



Илья Новак
Некромагия

Серия «Аквадор: Герои уничтоженных империй», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=141148
Некромагия: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-16430-8

Аннотация

Волшебный мир Аквадора... Некогда великая, а ныне умирающая Империя... Гильдии магов, которые управляют ею... Могущественные колдуны, гномы-механики, пришедшие из диких лесов шаманы, жестокие наемники и горные ведьмы. Прекрасная дева, как муха в паутине, запутавшаяся в хитросплетении интриг, что плетут друг против друга верховные маги. Ужасный лабиринт в недрах Горы Мира и воин-лесоруб, способный своим топором уничтожить целый отряд. Бессмертный палач и древнее заклинание, которое может перевернуть судьбу мира. Насилие и кровь, предательства и убийства, осада подземного города ордой варваров и поединки рыцарей на узких темных улицах... Это не просто междоусобная война. Это – война Магических Цехов!

Содержание

ПРОЛОГ	4
Часть первая	12
Глава 1	12
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	48
Глава 8	54
Глава 9	55
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Илья Новак

Некромания

Автор выражает благодарность Григорию Панченко за добросовестные и квалифицированные консультации по всевозможным специальным вопросам. К сожалению, не всегда была возможность последовать рекомендациям. Все фактические ошибки – на совести автора.

ПРОЛОГ



Карета остановилась, из приоткрывшейся дверцы выглянул старик. Он кивнул долговязому человеку, который, жуя травинку, подпирал стену заброшенного дома. Окинув вечернюю улицу быстрым взглядом, мужчина направился к карете.

– Что скажете, Архивариус? – произнес он, усаживаясь напротив старика и закрывая дверцу.

– Ее настоящее имя – Джаконда Валериус. Не слишком знатный род. – Архивариус пожевал губами, собираясь с мыслями. Говорил он медленно, иногда надолго замолкал. – Обычная девица, должна была выйти замуж, родить детей, потом состариться и умереть. Но прапрадедом Джаконды был Гиз Валериус. Вы, наверно, слышали о нем, Трилист...

Он посмотрел на собеседника слезящимися глазами. Трилист Геб, служивший капитаном городской полицейской стражи, провел ладонью по ежику темных волос, потер лоб. У капитана был прямой хрящеватый нос, круги под глазами и запавшие щеки. Он казался невыспавшимся и усталым.

– Гиз... Черный Гиз? Этот сумасшедший, который...

– Да, Черный Алхимик. А вы никудышно выглядите, капитан. Не спали?

– Уже две ночи.

– Так вот, алхимик держал в страхе селения к югу от города. Его потомки – заурядные обыватели. Но в Джаконде, надо полагать, проснулась кровь прадеда. Кстати, ходили смутные слухи, что у нее была сестра-близнец. Так или иначе, в тринадцать лет, когда ее собрались выдать замуж, Джаконда сбежала, перед этим отравив своего отчима. Подлила ему что-то в вино. Через какое-то время она стала ведьмой. Сначала – ученицей Зуры Лесной, про которую вы, наверно, тоже слышали. Затем убила учительницу, в схватке с ней потеряла правый глаз, после чего ее и стали называть...

Архивариус надолго умолк, и капитан Геб, не выдержав, заключил:

– ...Одноглазой Джакондой.

– Что? Да, вот именно. У бедняков она не то выкрадывала, не то покупала младенцев, растила и обучала. Жили они в Горах Манны. Ученики с детства лазали по кручам, людей, кроме Джаконды, не знали... Ну вот, а теперь их называют «мальчиками-душите-

лями». Сейчас их... семь или восемь? Если задуматься, в Аквадоре такого до сих пор не было. Есть наемники, есть ведьмы и шаманы, есть *чары* – тут все ясно. Но банда Одноглазой Джаконды... Она и ее ученики – наемники, знающие магию. Очень опасное сочетание. Разбойники, которые выполняют всякую грязную работу для тех, кто может заплатить, а помимо этого, живут ограблениями и убийствами. Сама Джаконда уже мало напоминает человека. Она еще хуже Черного Алхимика, своего прапрадеда.

– Почему? – спросил Трилист.

– Потому что много лет прожила в Горах Манны. Что вы знаете о манне, капитан?

Трилист пожал плечами.

– Какие-то магические штучки. Я мало смыслю в этом.

– Вот именно, магические. Манна – мягкое темно-синее светящееся вещество, которое иногда находят в горах. Она выступает из скальных трещин. Здесь, в центре Аквадора, она крайне редка и очень дорого стоит. Она... сложно объяснить. В наших цехах манну используют для некоторых опытов, но в крошечных дозах, потому что она выделяет мощную природную магию, которая, если нет надлежащей защиты, влияет на окружающее самым непредсказуемым образом.

– На окружающее? – переспросил Трилист Геб.

– Да, на людей и предметы. На все. Основной источник манны – те самые горы, где поселилась Джаконда с учениками. Больше там никто не живет, ни один человек, только в предгорьях есть редкие поселения. Насколько я знаю, у вашего тестя где-то там неподалеку родовый замок. Так вот, много лет Джаконда и ее ученики ползали по этим горам, подвергаясь воздействию манны. Теперь они... не совсем люди.

– Ясно, – сказал капитан, помолчав. – Благодарю вас. Хотя, признаться, сведения неутешительные.

– Но вы уверены, что Джаконда и ее мальчики сейчас в Форе?

– Сдается мне, это именно они, Архивариус.

– И как давно, по-вашему, они здесь?

– Два-три дня... Во всяком случае, два дня назад произошло первое исчезновение. Потом пропали еще трое горожан. Потом на одного напали – ночью, посреди города. Он сумел спастись. Его пытались задушить, в темноте он плохо разглядел нападавшего. Но я видел следы на шее – очень необычные.

– И трупы пропавших вы не нашли...

– Нет.

Старик некоторое время сидел молча. Седая голова его мелко тряслась.

– Странно, – произнес он наконец. – Что ей понадобилось в столице? Джудекса Темно-Красный...

Трилист Геб, уже приоткрывший дверцу, чтобы покинуть карету, вопросительно посмотрел на Архивариуса. Тот пояснил:

– Джудекса, дикий шаман, долгое время живет в Форе... Он пришел сюда, самовольно занял старую башню – и городские магические цеха не стали его выгонять. Не наняли убийц, которые без лишних разговоров прирезали бы его. Это небывалый случай. Что, если появление Одноглазой Джаконды как-то связано с Темно-Красным?

Капитан сказал:

– Это вам лучше знать. Кто из нас работает на цеха?

Архивариус укоризненно возразил:

– Я служу у Владыки, это несколько другое.

– Одного не пойму, – произнес Геб, хмурясь. – Даже если Джаконда со своими душителями прибыла сюда из-за шамана... Он занимается некромагией, постоянно проводит опыты

в своей башне... Ну, допустим, ему понадобилась эта горная манна... Вы ведь это хотели мне сказать?

Старик кивнул.

– Хорошо, для опытов шаману понадобилась манна, он дал знать Джаконде, и она привезла ему вещество. Мы следим за шаманом, поэтому они не могли встретиться открыто, и Джаконда выжидала удобного случая. Да, это похоже на правду. Но зачем ее мальчикам убивать кого-то? Зачем привлекать к себе внимание, зачем вообще высовываться? Они могли бы поселиться в Пепельном квартале – там бы мы их никогда не нашли. Все, что им нужно, – передать манну Темно-Красному, получить плату и убраться восвояси.

– Не забываете, они не люди. Если Джаконда еще способна соотносить свои поступки с окружающим, то ее мальчики... Быть может, убийства для них – естественное поведение в таком месте. Впрочем, не думаю, что ведьма взяла сюда всех своих учеников. Зачем они ей здесь? Скорее одного или двоих, для охраны. Иначе убийств было бы больше.

– Что значит «естественное поведение в таком месте»? В каком таком месте?

– В Горах Манн никто не живет, – повторил старик. – Там просто некого убивать, понимаете? Но, попав в город, где вокруг множество людей, они не могут подавить свои наклонности. Как волк не может не убить, если вдруг попал в овечий загон. Я не утверждаю, капитан. Я предполагаю.

Уже шагнув на мостовую, Геб возразил:

– Есть и другое предположение. Возможно, тела для чего-то нужны шаману. Для опытов, например. И Джаконда не только привезла ему эту вашу манну, но и добывает для него мертвецов.

– Интересная идея, – согласился Архивариус. – Да, пожалуй, это вполне вероятно. Вы давно не заглядывали ко мне, капитан. Приходите как-нибудь вечером на партию «чарика», я расскажу вам про шаманов из диких земель.

Трилист Геб кивнул, захлопнул дверцу и сказал сидящему на козлах кучеру:

– Трогай.

Когда карета уехала, он быстрым шагом направился в противоположную сторону.

Фору еще называли Городом-На-Горе, и караульная городской стражи стояла ближе к вершине. Когда Трилист Геб приблизился к ней, двери распахнулись и навстречу выскочил дородный сержант по имени Крукол.

– Кажись, нашли их берлогу! – выкрикнул он. – Всего в двух кварталах отсюда!

За сержантом высыпало несколько стражников. Увидев капитана, они остановились, но Трилист приказал: «Крук, веди» – и вскоре уже группа вооруженных протазанами, дубинками и мечами мужчин быстро шла прочь от караульной.

По дороге сержант рассказывал:

– ...Они случайно увидели шамана. Он вышел из дома с мешком и тут же куда-то подевался. Это Энгибо, Борджа и Саварзар. Они стали соображать, что это означает – ведь мы следим за башней Джудексы, как он смог выбраться незамеченным? – и вдруг в окне того дома, из которого он вышел, появилось какое-то чудное существо. Борджа побежал сюда, а те двое остались.

– Что за дом? – спросил Трилист.

– Дом чара.

– Даже так?

Чарами в городе называли тех, кто обладал магическими способностями.

Завидев перед собой толпу стражников, прохожие поскорее освобождали дорогу. Вокруг были срединные кварталы, дома здесь по большей части принадлежали небогатым ремесленникам и не слишком преуспевающим чарам.

– Далеко еще? – спросил капитан, когда они выскочили в переулок, за которым начинался пустырь. – Пстой, так ведь башня шамана неподалеку!

– Дом чара тоже на пустыре, – откликнулся тяжело дышащий Крукол.

На середине пустыря возвышалась двухэтажная каменная постройка, вокруг нее все заросло бурьяном. Перед входом маячили двое караульных. Рядовой Саварзар, совсем недавно принятый в стражу, стоял, беспокойно поглядывая по сторонам, а рядовой Энгибо, ветеран, прослуживший уже много лет, сидел на сломанном бочонке.

– Разойдитесь, – приказал Геб пришедшим с ним стражникам. – Вокруг доёма, попарно.

Саварзар увидел их и тронул за плечо Энгибо. Тот оглянулся, встал с бочонка.

– Никто не выходил! – возбужденно заговорил новичок, когда капитан с сержантом приблизились. – Я хотел внутрь, чтоб разобраться с ними, а он не пустил. Я хотел... Надо через окно, а потом...

– Правильно не пустил, – перебил сержант и обратился ко второму рядовому: – Это точно был шаман?

Энгибо, невысокий жилистый малый, мрачно жевал табак.

– Ага, – пробормотал он, сплевывая в траву. – Что я, не различу...

– Шаман, вправду он! – подхватил Саварзар. – Здоровый такой, страшный, волосы черные... Вышел оттуда с мешком, по сторонам зыркнул и дал деру. И дверь, вон, видите, дверь до сих пор приоткрыта...

Трилист спросил:

– Так почему вы под окнами торчите, на виду?

Саварзар замер с раскрытым ртом, а Энгибо пожал плечами.

– Дурни потому что, – разъяснил Крукол. – В окне вы кого увидели?

Рядовой затараторил:

– Вроде человек, но не похож на человека. И маленький. Мальчонка вроде. Ну или юнец. Он быстро мелькнул, мы не разобрали.

– Главное, он там висел, – буркнул Энгибо.

– Как это? – удивился Крукол.

– Так просто – висел, и все тут.

– Мы удивились – страх! – продолжал Саварзар. – Глядим: маячит. Пригляделись: вроде не на полу стоит, а прям висит над ним, прям за окном... – полуобернувшись, он ткнул рукой в одно из окон верхнего этажа. Сержант и капитан поглядели туда – все окна были темными.

– Хотя, наверно, он держался за что-то, – раздумчиво добавил Энгибо.

Саварзар запротестовал:

– Да не, где ж держался! Я бы заметил. Я бы...

Ясно было, что новичок сильно напуган. Энгибо хоть виду и не подавал, но, конечно, тоже боялся, потому что понимал: в гости к Джаконде первыми предстоит идти именно им.

– Мальчонка, значит. А хозяйева дома не появлялись? – спросил сержант.

Саварзар замотал головой.

– Не, никого. Может, убили их? Ведьма эта со своими душителами? Что теперь делать будем? Может, подождем? А, не, оно ж каменное! Ну тогда, может...

– Так, рядовой, заткнись, – распорядился сержант Крукол.

Они с капитаном огляделись. Солнце садилось, от окрестных домов на пустырь наполнили тени. Остальные стражники рассредоточились вокруг дома.

Сержант произнес:

– Надо быстрее. Сейчас стемнеет, тогда хуже будет.

– Они пусть там стоят, – сказал Геб. – Пусть караулят и, если кто-то из окна выскочит, не дадут ему уйти. Мы вчетвером – внутрь.

Крукол кивнул, Энгибо сморщился и опять сплюнул в траву. Саварзар шумно вздохнул. Сержант махнул рукой, и окружившие дом рядовые достали из ножен палаши.

Геб тоже обнажил свой палаш. Его оружие было куда лучше, чем у других стражников. Гарда – чашка с узором и защитными дужками, хорошо закрепленная на хвостовике клинка рукоять, дорогой металл и очень острая кромка на заточенной стороне.

Сержант пробормотал:

– Непонятно мне. Эти олухи под окнами торчали на самом виду – почему Джаконда со своими мальчонками на них не напала?

– Я сейчас с Архивариусом разговаривал, так он сказал, что они теперь не как люди. Думают иначе, чем мы. Может, для них это естественно – затаиться, зная, что их выследили.

– Естественно... – протянул Крукол. – Ладно, пошли. Энгибо, ты первый.

Ветеран городской полицейской стражи угрюмо кивнул, словно заранее знал, что именно ему выпадет эта честь. У Энгибо и Крукола были дубинки, у Саварзара – новенький протазан с блестящим наконечником.

Шелестя травой, они подступили к дверям. Энгибо приткнулся к щели и смотрел так долго, будто решил провести в этом положении остаток вечера, дожидаясь, когда Одноглазая Джаконда вместе со своими мальчиками скончается сама собой, от скуки. В конце концов сержант слегка подпихнул его. Энгибо приоткрыл дверь, оглянулся с видом мученика и ступил внутрь. За ним вошел Крукол, следом Геб, потом Саварзар. Первые трое двигались медленно и бесшумно, а Саварзар тут же зацепил притолоку наконечником – звон разнесся по просторному полутемному холлу с широкой лестницей и пыльными углами. Остальные замерли, не оборачиваясь, и выражения их спин были такими многозначительными, будто все трое беззвучно задавали вопрос: «Ты что, рядовой, опупел?» Саварзар смешался и закашлялся.

Некоторое время они стояли в полной тишине. Ничто не двигалось, из-под лестницы – там виднелась приоткрытая дверь – и со второго этажа не доносилось ни звука.

Трилист Геб показал на Крукола, на Энгибо, махнул рукой. Сержант и рядовой кивнули. Геб, поманив Саварзара, направился к двери. Новичок, выставив перед собой протазан, нагнал капитана и пошел рядом, в то время как остальные двое двинулись к лестнице.

Геб шел медленно, внимательно глядя по сторонам. Здесь везде были паутина и пыль. Интересно, куда подевался хозяин дома, чар? А слуги?

Крукол с Энгибо стали подниматься по ступеням. Капитан приостановился, кивком показал на дверь. Саварзар недоуменно замер. Трилист ухватил его за плечо, притянул к себе и прошептал: «Открой ее копьем».

Лицо Саварзара просветлело, он вытянул вперед протазан, просунул наконечник в дверь и нажал, раскрывая ее. Капитан кивнул. Тем временем Крукол и Энгибо, идущие совсем медленно, добрались до четвертой ступени. У широкой деревянной лестницы были массивные резные перила, рядовой шел ближе к левой стороне, сержант – к правой.

Капитан глазами показал новичку на раскрытую дверь и сделал шаг к ней. Сверху раздался вопль.

Очень мало человеческого было в этом вопле. Скорее он напоминал гудок сигнального рога, куда вплетается клекот пришедшей в ярость крупной птицы.

Капитан вскинул голову, глядя на мальчика-душителя, – тот стремительно слетал по перилам, головой вниз. Белые как снег длинные волосы развевались; существо мчалось на четвереньках, невероятным образом удерживаясь при помощи коленей и рук. В первое мгновение Гебу показалось, что мальчик зарос шерстью, но потом капитан понял, что на нем одежда из шкур.

Сбитый с ног Энгибо покатился по ступеням. Крукол, прыгнув с другого края лестницы, опустил на спину мальчика дубинку. Раздался хруст. Мальчик свалился под ноги Круколу, подпрыгнул, растопырив конечности, – сержант отлетел от него, ударился о противоположные перила. Душитель рухнул на ступени, вновь издал гудящий вопль, попытался встать, но подскочивший сержант обрушил дубинку ему на голову.

Что-то ударило Геба с такой силой, что он упал на колени. Рядом возникло лишенное всякого выражения очень худое юное лицо. К горлу вставшего столбом Саварзара протянулись белые пальцы, раза в два длиннее, чем у обычного человека, растопыренные, тонкие, как веточки. Вот они ухватили рядового за шею, Саварзар глухо замычал. Геб, вскочив, рубанул палашом – четыре отсеченных пальца полетели на пол. Мальчик загудел и бросился прочь, капитан махнул оружием над полом, но не попал – душитель перепрыгнул через клинок и взлетел на стену. Лишенный части пальцев, удержаться он на ней не смог и, перескочив через головы стражников на середину холла, помчался к дверям. Оттуда уже доносились голоса тех, кто остался снаружи, и топот ног.

Саварзар стоял неподвижно, пока Крукол спускался, за волосы волоча мертвого душителя. Энгибо ковылял к капитану. Геб сунулся в дверь, тут же упал и снова вскочил; в те несколько мгновений, пока он лежал, над ним пронесся арбалетный болт. Ноги у капитана были длинные, руки тоже. Он бросился вперед, – делая гигантские шаги, с криком вытянув перед собой палаш, – и вонзил острие в живот Одноглазой Джаконды.

Она сидела на высоком табурете посреди кухни со здоровенным арбалетом в руках. Длинные, прямые, очень белые волосы, алые тонкие губы, провал на месте правого глаза – все это на мгновение мелькнуло перед Гебом, пока он протыкал живот Джаконды и сбрасывал ее с табурета. Позади ведьмы лежало несколько трупов слуг, большой кухонный стол был залит кровью.

Табурет перевернулся, Джаконда упала спиной на пол. Геб встал над ней, высвободив палаш, нагнулся, разглядывая худое тело, кровь на животе под распахнутым меховым жилетом... Руки ведьмы взметнулись, и костяшки согнутых пальцев ударили капитана в глаза.

Трилист, вскрикнув, отшатнулся. Он на мгновение ослеп. Присел, не видя, куда бьет, наотмашь махнул палашом, выпрямился, получил второй удар в лицо и наконец сквозь слезы смог различить фигуру перед собой. Ведьма шагнула к нему, но споткнулась о свой арбалет. Капитан, сжимая палаш обеими руками, нанес удар.

И отсек голову Одноглазой Джаконде.

Когда они вывалились из дома, под дверями одна половина отряда помогала подняться другой половине. Еще двое стояли в отдалении на краю пустыря, рядом с каким-то незнакомцем. Стражники растерянно ругались.

– Что случилось? – заорал Крукол. – Где мальчонка?

– Убег... – пробормотал один рядовой, потирая грудь. – Расшвырял нас и убег.

– Убег?! Мы, сержант с капитаном, завалили двоих, душителя и саму Джаконду, а вы, шестеро бугаев, не смогли справиться с одним?! – И без того красное лицо Крукола стало свекольным.

– Так на то вы и сержант с капитаном, – ответили ему.

Тогда Крукол тоже начал ругаться. Сержант происходил из небогатой семьи ремесленника, в юности его отдали в семинарию, а после папаша его разорился, и Круколу пришлось семинарию бросить. Чтобы кормить семью, он поступил на службу в городскую стражу. В результате речь его всегда казалась Трилисту немного странноватой: Крукол ухитрялся совмещать длинные, иногда довольно-таки заковыристые фразы с чисто сержантской манерой изъясняться. Да и ругаться он умел получше многих, просто уши сворачивались.

Рядовые смущенно огрызались, показушно стонали и пытались вправить свои якобы вывихнутые конечности. Энгибо, усевшись на бочонок, вновь с мрачным видом жевал табач-

ную жвачку. Саварзар, выпучив глаза и держась за шею, бесцельно бродил вокруг. Новичок часто икал, его покачивало. Трилист Геб пригляделся к тем двоим и незнакомому человеку, что стояли на краю пустыря.

– Мальчонка! – орал Крукол. – Душитель! Убег! Вшестером – одного мальчонку!..

– Да куда не делся твой мальчонка, – в конце концов сказали ему. – Вон он валяется.

Трилист уже направился к троице на краю пустыря. Подойдя, он увидел лежащего на спине мальчика-душителя. Что-то странное произошло с его лицом – собственно, оно теперь мало напоминало лицо. По нему будто вмазали тараном, при помощи которого захватчики обычно пытаются проломить ворота осаждаемого замка. Капитан перевел взгляд на двух рядовых и толстяка, стоящего рядом.

– Это вы его так? – спросил он. – Молодцы.

– Не-е... – протянул один стражник. – Он того... как выскочит, как всех расшвыряет...

– Да как поскачет по траве, – добавил второй. – Мы за ним. Но мы бы не догнали. Это вот он. – Рядовой показал на толстяка. – Просто мимо шел вдоль пустыря. Я ему кричу: удержи! Удержи, кричу, этого мальчика, убийцу и душителя! Ну, он и того... задержал.

Капитан вновь посмотрел на душителя: лицо его было вроде как размазано по черепу. Геб внимательнее, с пробуждающимся интересом пригляделся к незнакомцу. Совсем бедно одетый, в обносках. Голова обрита, лишь на макушке круг волос. Парень, с виду довольно молодой, отличался завидными объемами, вот только это была не вялая тучность, как у какого-нибудь богатого торговца. На правом запястье Геб увидел рисунок-татуру: два полумесяца на фоне пирамиды с кружком в центре.

Тонкие синие линии четко проступали на коже. Капитан оглядел парня с ног до головы, не заметил оружия и спросил:

– Чем ты его ударил?

Толстяк молчал, тупо пялясь на Геба.

– Так эта... – сказал один из рядовых. – Кулаком же.

– Не ври.

– Не, я эта... не вру же. Вправду, навернул его кулаком. Я ж, говорю, закричал: держи мальчонку – ну он и...

– Тебя как звать? – спросил Трилист.

Толстяк вытянулся, прижав руки к бокам и выпятив живот. Помолчал, будто собираясь с мыслями, пошевелил губами. Затем стукнул себя кулаком в грудь и рывкнул:

– Вач!

– Что? Вач? Хорошо...

Капитан устал. Слишком много воспоминаний накопилось в голове, слишком много людей ему приходилось видеть каждый день службы, слишком много событий и происшествий – перепутавшиеся образы отягощали утомленное сознание.

Он медленно, глубоко вдохнул, затем неспешно выпустил воздух из груди. Все волнения последних дней, когда начали исчезать горожане и стало известно, что в город прибыла сама Одноглазая Джаконда, ночные бдения, поиски, слежка за шаманом Темно-Красным Джудексой – все это отступило куда-то далеко. Дом, пустырь вокруг, фигуры стражников, улицы и здания Форы – весь мир потускнел, отдалился и стал неясным, *несущественным*. Для чего я занимаюсь этим вот уже столько лет, почему должен защищать кого-то, что заставило меня взвалить на себя ответственность за других, почему я несу ее, словно хромоногий карлик-калека – тяжелый, кренящийся к земле горб? Трилист поднял глаза: на фоне темнеющего неба высилась огромная пирамида, занимающая вершину горы. Вокруг громады плескалось сияние, стекало по каменным стенам к подножию. Он смотрел долго, не шевелясь. Время остановилось, звуки смолкли. Геб растворился в прохладном воздухе тихого вечера; наползающие сумерки приняли его в себя и укрыли от всех тревог, что беспрерывно одоле-

вают того, кто служит капитаном полицейской стражи в столице огромной разваливающейся империи. Дома и мостовые, колодцы, конюшни и сараи, хоромы знати и лачуги бедноты, караульни, башни, скотные, птичьи и постоянные дворы, трактиры, темницы, жилища чаров – Острог-На-Костях, Наледь, Солнечное Око – все материальные свидетельства человеческой жизни пропали; капитан Геб провалился в пустоту. Мир потускнел, и лишь здание на вершине сияло, слепя глаза. Не ведьма, пробравшаяся в город, и не шаман... Главная угроза шла от пирамиды.

Усилив воли вернув свое внимание к происходящему вокруг, Трилист перевел взгляд на толстяка и задал следующий вопрос:

– И где ты служишь, Вач?

Часть первая ЖИВОЕ И МЕРТВОЕ

Глава 1

В комнате их собралось пятеро: два старика, двое зрелых мужчин и последний, едва переступивший порог, за которым человека уже не называют юношей. Власть этих людей простиралась на сотни лиг – Аквадор раскинулся меж четырех морей, Окраинный океан служил ему западной границей. Хотя Аквадором эти люди называли весь мир, где им выпало жить, – империя именовалась Зелуром. Но других государств зелурцы не знали, и в сознании большинства мир был равен империи.

Столица величайшего государства мира носила имя Фора. Город был воздвигнут на узком перешейке, соединяющем континент с землей, которой в будущем предстояло стать островом. В центре Форы высилась гранитная пирамида: Универсал, Гора Мира. Аквадор держался на трех типах людей: тех, кто воюет, тех, кто работает, и тех, кто колдует. Универсал – так называли и саму пирамиду, и сообщество, центром которого было это здание, – объединял чаров. Тех, кто колдовал.

Октон Маджигасси окинул взглядом гостей. В последнее время зрение изменяло Владыке. Он еще мог разглядеть черты смуглого молодого лица Некроса и длинные седые волосы Гело, но двое других, схожие ростом и телосложением, на этом расстоянии становились почти неразличимыми.

Хозяин полулежал на застланной постели, гости расположились в креслах поодаль.

– Сядьте ближе, – произнес Октон, – я хочу видеть вас всех.

Снаружи не доносилось ни звука – окон в помещении не имелось, со всех сторон его окружала толща пирамиды. Гости придвинули кресла. Теперь Владыка мог разглядеть рыжую шевелюру Сола и круглое розовощекое лицо Доктуса. Маджигасси сощурился, переводя взгляд с одного чара на другого. Каждый из пришедших был аркмастером, главой магического цеха.

Некрос произнес:

– Что же, вы позвали, и мы пришли. Теперь мы слушаем вас.

Владыка откинулся на подушках. Спальню ярко освещали огни множества литых свечей из нежно-розового пчелиного воска. Октон приказал расставить и зажечь их перед приходом гостей, он желал видеть выражение лиц и жесты.

Их четверо. Первый – друг, второй – враг. И еще двое, которые в этот вечер, скорее всего, станут врагами. Каждый надеялся, что Мир достанется ему.

Каждый, кроме Доктуса Савара. Основатель цеха вещественной магии не интересовался властью над Универсалом – лишь своими мастерскими, плавильными печами и перегонными кубами. Единственный из присутствующих, искренне преданный Октому. Сын бедного ремесленника не смог бы достичь столь многого без высокого покровительства. В свое время Октон, разглядев талант молодого ученика, поддержал его. До сих пор Доктус не напоминал чара – плотный мужчина среднего роста с красным от жара плавильных печей лицом. Крупные руки и толстые короткие пальцы, широкие плечи и сильная шея... Внешне аркмастер цеха вещественной магии так и остался ремесленником из пригорода. Но магия всегда накладывает отпечаток на того, кто занимается ею, и иногда Октому казалось, что в глазах Доктуса видны медленно вращающиеся шестерни и надувающиеся мехи печей.

Доктус Савар был другом. Безразличным ко всему, что не относится к его работе. Не глупым – но и не слишком прозорливым. Доктусу не было дела до политики Универсала, главное, чтобы ему не мешали заниматься его механикой.

Октон Маджигасси знал: Савар предан и слаб. Когда Октон сделает то, ради чего собрал здесь чаров, лишь верность Владыке заставит Доктуса, преодолевая нежелание вмешиваться, оказать помощь.

– Мы ждем, – напомнил Некрос.

Октон посмотрел на него. Младший из присутствующих, Некрос Чермор был и самым нетерпеливым. Высокий и хрупкий. Изящные длинные руки, узкие ладони, тонкие черты лица. Его отец, покойный Орв Чермор, хозяин Острога-На-Костях, никогда не был женат. По городу ходили слухи, что мать Некроса – одна из ведьм, узниц Острога. Теперь тюрьмой управлял младший брат, во всем преданный Некросу. Горожане перешептывались о потайных лабораториях, оборудованных в сырых тюремных подвалах. Надо же было Некросу где-то проводить опыты? А трупы казненных преступников – вполне подходящий материал. В Форе никто не говорил «цех мертвой магии», «цех теплой магии» – говорили просто «холодный цех», «мертвый цех», будто про объединения мясников или кожевников. Мертвый цех – самый малочисленный. Другие отправляли своих чаров в селения вокруг, между аркмастерами был договор на этот счет. Но невежественные крестьяне боялись мертвой магии, а потому у Некроса почти не было последователей. Зато у братьев Черморов имелаась большая сеть соглядатаев, постоянно докладывавших о том, что происходило в Форе.

Темно-зеленые глаза Некроса были словно присыпаны прахом. Станный, противоречивый тип, подумал Владыка. И все же – пока не враг, ведь Чермор искренне полагает, что Мир может достаться ему.

А вот и третий.

Прозрачные глаза Гело Бесона смотрели куда-то вдаль, сквозь гранитные стены Горы Мира. Бесон был ненамного младше Октона, но гораздо крупнее и крепче. Годы не подточили его. Гело напоминал не чара, а воина: сын богатого землевладельца из Бриты, самой северной части Аквадора, гордый, уверенный в себе. Скорее прямолинейный, чем хитрый, аркмастер холодного цеха пока не проявил себя ни другом, ни врагом. К Октону он был равнодушен.

Зато Бесон ненавидел Сола Атлеко.

Подслепогато щурясь, Владыка перевел взгляд на последнего гостя. А вот это – враг. Главный соперник Гело Бесона в борьбе за власть над Универсалом.

Аркмастер цеха теплой магии, Сол Атлеко был могущественным чаром – во всем Аквадоре он уступал лишь Октону. Неприязнь между Солом и Гело Бесоном возникла с первых же дней их знакомства и быстро переросла в ненависть, слишком уж разными они были. Гело – суровый и немногословный, Сол – подвижный, порывистый, говорливый. Хотя недавно до Октона дошли слухи, что глава теплого цеха предпринимает шаги к примирению с Бесоном. Много лет отдавший изучению древних знаний, Атлеко желал стать хозяином Универсала еще и потому, что в пирамиде находился архив, библиотека, к которой с недавних пор по приказу Октона ему закрыли доступ. А еще под Универсалом хранилось то, ради чего Сол Атлеко, как подозревал Октон, был готов отдать что угодно.

Его отец – богатый столичный клирик, но всю юность Сол провел на юге, в одной из академий пустыни. Низкорослый, как и Доктус, огненно-рыжие волосы, порывистые движения...

В глубине глаз Сола Атлеко горел жадный, злой огонь.

Все пятеро знали, что Октон Маджигасси умирает. Кто-то из четверых гостей должен был стать новым Владыкой Универсала. Трое мечтали об этом, двое были нейтральны, один – врагом. Но никто из пришедших пока не понимал, что задумал старик.

– Все вы, кроме Доктуса, уже несколько раз смотрели туда... – дрожащая рука Владыки указала в сторону небольшого сундука, что стоял на низком столике возле кровати. – Когда в последний раз вы видели Мир?

Они молчали, пытаясь сообразить, к чему он клонит.

– На празднике Тентры, – откликнулся наконец Некрос. – Ведь так? – он посмотрел на остальных, ища поддержки. – Вы надевали его много лет назад на празднике Тентры.

– Да. С тех пор прошло семь лет. Кажется, настала пора вновь достать его.

Не отрывая взгляда от гостей, Октон протянул руку к сундуку и поднял легкую крышку. Он заметил, как выпрямился Некрос, как блеснули желтые глаза Сола. Гело лишь слегка повернул голову, а Доктус наморщил лоб, наблюдая за Владыкой. Старик опустил руку в сундук и нарочито медленно достал то, что лежало там.

Мир. Узкая золотая корона, напоминающая обруч с гладкой поверхностью. Никаких узоров, никаких украшений, кроме креста с четырьмя гнездами на концах. В них крепились парангоны разных цветов. Октон поднял Мир, медленно поворачивая, чтобы жемчужины замерцали в огне свечей.

Их называли Слезы Мира. Поднеся корону к глазам, старик увидел наполняющее жемчужины марево: у границ сфер полупрозрачное, дальше оно становилось все плотнее, сгущалось. Каждая Слеза заключала в себе отдельный мир. Одна – зелено-коричневая, мертвенная, вторая – наполненная голубым льдом, который искрился мириадами колющих глаза снежинок. В бесконечном пространстве третьей Слезы что-то полускрытое серебристым маревом перемещалось, кружилось и двигалось из стороны в сторону в медленном механическом ритме. Четвертый парангон заполнял огонь.

Слезы Мира объединяло одно – в глубине их притаилась неясная тень. Октон заметил ее несколько дней назад. Что-то еще очень неопределенное... Хотя ему казалось, что тень постепенно густеет.

– Теперь слушайте внимательно. Нечто движется к границам нашего пространства и нашего времени. Пока неизвестно, что оно собой представляет, откуда взялось и когда точно достигнет цели. Но когда оно окажется здесь, привычной жизни придет конец. Тот мир, который мы знаем, изменится безвозвратно, и я уверен, что в нем не станет для нас места.

Воцарилась тишина. Октон прикрыл глаза, чувствуя, что даже этот короткий монолог утомил его.

– О чем вы говорите? – произнес наконец Некрос Чермор. – Все как обычно, я не вижу никаких изменений...

– Изменения начнутся, хоть и не скоро.

– Но это... какая-то враждебная сила? – подал голос Доктус. – И что мы можем сделать?

– Прекратить вражду, – сказал Октон, открывая глаза. – Гело, Сол, Некрос – каждый ждет, что я отдам Мир ему. Мы все знаем, что произойдет после этого, не так ли? Вы не желаете понять друг друга. Я могу сделать Владыкой Доктуса Савара, он единственный, кто не станет использовать власть для уничтожения других цехов. Но ему не добиться дружбы никого из вас. И когда то, что приближается к нам, окажется здесь, Универсалу придет конец.

Октон смотрел на них и видел – чары не верят ему. Никто, даже Доктус, не воспринял его слова всерьез.

– Что скажешь, Сол Атлеко?

Рыжий коротышка раздумывал над ответом недолго. Взмахнув рукой, он затараторил:

– Чушь, чушь. Вы говорите все это, потому что задумали нечто, пока непонятное нам, – в голосе главы теплого цеха не было почтения, лишь веселая злость. – Непонятное всем нам. Наше почтение, Владыка... – Сол приложил ладонь к груди и с насмешливым уважением склонил голову. – Вы всегда были прозорливы. Отличное представление, но что дальше?

Позвольте нам быть честными: вы умираете, а Универсалу нужен Владыка. Так кому вы передадите Мир?

Когда он умолк, Гело остался невозмутим, Некрос посмотрел на Сола удивленно, а Доктус – с вялой неприязнью. Сол Атлеко, давно понимавший, что Мир не достанется ему, впервые позволил себе столь откровенные речи.

– Или, возможно, вы собираетесь вновь надеть обруч? – продолжал он. – Что ж, все мы садовники своей смерти. Мир даст вам еще немного времени...

– Ты полагаешь, это представление? – откликнулся Октон Маджигасси. – Я не уличный жонглер, чтобы развлекать тебя. Смотрите сами...

– Что вы делаете?! – Некрос вскочил, когда Владыка двумя пальцами сжал зелено-коричневую Слезу, повернул и вытащил из гнезда.

– Всего лишь хочу убедить вас. Возьми ее. – Владыка протянул руку с лежащим на ладони парангоном. – Эта Слеза как раз для тебя. Возьми и загляни внутрь.

Когда растерянный Некрос шагнул к старику, Сол тоже вскочил.

– Не трогай! Октон, что это значит? Отдавая ему Слезу, вы усиливаете его... – Он замолчал, увидев, что другой рукой Октон держит второй парангон, тот, в котором горело пламя.

– Ты тоже возьми. Гело, Доктус, каждый из вас сейчас получит по Слезе.

Некрос бережно принял у Владыки парангон, замороженно разглядывая его, попятился и упал в кресло. Сол, не понимающий, что происходит, получил свою Слезу, затем Октон отдал третью и четвертую. Когда гости вновь уселись, Некрос произнес:

– Мне кажется, там какая-то тень.

– Сол? – Октон посмотрел на теплого чара, и тот быстро закивал.

– Да, да, у меня тоже.

– Доктус? Гело?

– И здесь, – сказал Доктус Савар.

Гело Бесон долго рассматривал сияющую холодным голубым огнем Слезу на своей ладони и наконец равнодушно обронил:

– Да.

Октон взял Мир, лежащий на его груди, и сел в постели.

– Хорошо, вы все видите тень. Она появилась недавно. Я провел некоторое время, изучая ее, и пришел к определенному выводу. Слезы затуманены *одной* тенью. Понимаете? Одна и та же сила находится внутри каждой.

– Но откуда она? – Некрос показал себе под ноги, в потолок, описал рукой круг. – Из-под земли? С неба? Из-за океана?

– Нет, не так просто. Она извне. У каждого из вас будет время, чтобы попытаться понять. Но что бы это ни было, оно приближается, хоть и медленно.

– Но это... враг?

– Враг? Скажем так – нечто другое, чуждое нам.

Чары замолчали, пытаясь понять, о чем говорит Октон, а старик наблюдал за ними, ощущая, как от Мира по его рукам расходится мягкое живительное тепло.

– И что дальше? – спросил наконец Сол. – Мы берем свои слова назад, вы правы – что-то грядет, – он пожал плечами. – Ладно, когда оно появится, мы, аркмастеры, разберемся с ним. Что дальше, Владыка? Сейчас мы отдадим вам Слезы, вы вернете их в Мир и...

– Кому вы передадите его?

Последние слова произнес Некрос, после чего все замолчали. В наступившей тишине Октон Маджигасси сказал:

– Каждый из вас получил Слезу, которая наиболее отвечает духу его цеха. Слезы усилят вас. Никто не получит Мир. Он исчезнет. Чтобы найти обруч, вам придется объединиться –

и тогда вы сможете противостоять чуждой силе. Или вы попытаетесь добыть его поодиночке... Но тогда Аквадору конец.

«Старик! Где ты собираешься спрятать Мир? Отправишься в дальнейшее путешествие? Но ведь ты умираешь!» – эти слова, произнесенные Солом Атлеко, все еще звучали в голове Октона, когда четверо покинули его спальню. Возможно, узнав, что он задумал, трое чаров попытались бы убить Владыку. Он видел ненависть Сола, злость Некроса, холод в глазах Гело – но их остановило присутствие остальных. Заполучив Мир, им пришлось бы сражаться с каждым из аркмастеров, чтобы завладеть Слезами, без которых обруч терял часть силы. Хотя даже сейчас Мир оставался символом власти над Универсалом, владение им и всего лишь одним парангоном давало немало...

Но они не решились напасть и покинули пирамиду. Каждый думал о своем: Октон видел, как были напряжены их лица, когда они уходили. В самое ближайшее время они начнут действовать.

Он поднялся с постели и надел Мир.

И когда Владыка Универсала встал перед висящим на стене зеркалом, он увидел не старика – морщины разгладились, спина распрямилась, с глаз исчезла старческая поволока. Даже лишенный своих Слез, обруч наполнил его силой. Ненадолго – вскоре немощь вновь завладеет Октоном. Но, как и четверо верховных чаров, он не собирался медлить.

Глава 2

– Благодарю, Гарон.

Чванливость не числилась среди грехов Доктуса Савара. Он не видел различий между богатым и бедным, крестьянином и землевладельцем, собой и последним подмастерьем из своих мастерских. Он вообще мало что замечал, кроме своих мастерских.

Привратник кивнул, выглянул на темную улицу и закрыл дверцу в воротах. Доктус пересек двор, миновав несколько дверей, стал спускаться по крутой каменной лестнице. Голова его наполнилась мыслями о том, что произошло в спальне Владыки. Доктус не понимал всех хитрых извивов внутренней политики Универсала. Ему оставалось лишь беспомощное осознание того, что происходит нечто, выходящее за границы его разума, и страх, что это может помешать его работе. Растерянность владела им все то время, пока он добирался от пирамиды до городской окраины. Здесь, не без помощи Владыки, под его началом был передан почти целый квартал. Конечно, Форой управлял не Универсал, а городской Приорат, состоящий из приосов, старшин немагических цехов – торговцев, кожевников, ткачей, мясников, оружейников и лекарей-аптечников, – но все они прислушивались к словам Владыки.

Пока Доктус шел по лестнице, озабоченность постепенно оставляла его, походка становилась тверже. Мыслями он уже был внизу. Еще несколько шагов, поворот наклонного коридора, последняя дверь – и чар остановился на широкой огороженной площадке, поддерживаемой двумя каменными столбами.

Площадка располагалась под сводами просторной пещеры, дальнюю часть которой скрывала дымная мгла. Там что-то вращалось, низкорослые фигуры сновали среди сполохов огня и резких, глубоких теней. Слышались лязг, постукивание молотков, топот и голоса. Кто-то отдавал команды, несколько глоток хором распевали песню.

Доктус упер локти в ограждение, глядя вниз на выложенные двумя прямоугольниками деревянные ребра. Рабочие покрывали их обшивкой, создавая остовы того, что после окончания работ будет напоминать баржи с глубокими трюмами и тупыми носами. Обшивка имела бледно-желтый цвет – после долгих споров для нее избрали сосну. Это дерево удобно обрабатывать, к тому же в ней много смолы, и потому оно стойко к гниению. При высыхании сосна не коробится, но главное – она прочна и легка.

На красном лице Доктуса Савара появилась улыбка.

– Э! – Одна из низкорослых фигур задрала голову, приложив ладонь козырьком ко лбу. – Великий чар, ты пришел? Спустишь, мы вот-вот начнем!

Голос был не совсем обычен, он произносил слова с хорошо различимым диалектным акцентом. В наречии, которое использовали работники большой мастерской, присутствовало много непривычных выражений. К примеру, себя они называли «славными карлами».

– Иду.

Продолжая улыбаться, он спустился по железным ступеням еще одной лестницы.

– Что у вас, добрый Бьёрик?

Огонь печей боролся со светом факелов. Босой кривоногий малый, ростом по пояс чару, одетый в широченные штаны, рубаху и фартук, вытер о бороду черную от копоти правую руку. Левая у него отсутствовала, рукав был обрезан и зашит.

– У нас все получилось. Смотри, великий чар...

В голосе Бьёрика не было и тени подобострастия – лишь уважение. Уже обретя знания и ступив на путь вещественной магии, Доктус стал искать кого-то, кто смог бы работать в большой мастерской, которую он собирался построить. Приорат Форы отказал в разрешении на строительство посреди города, а Доктус не хотел далеко переезжать. Впрочем, он ничего не имел против подземелий. Оставалось найти рабочих, кузнецов, плотников и дру-

гих, которые согласятся проводить большую часть времени под землей. В своих поисках он наткнулся на немногочисленное племя гноморобов, обитавшее на побережье полуострова Робы, самой западной части Зелура. Они были известны как кузнецы, мастера по работе с металлами. Воспользовавшись поддержкой Владыки, Доктус спас их столицу от притязаний Великого Приоса, управлявшего полуостровом. После этого многочисленный отряд славных карл добровольно пошел к аркмастеру в услужение и поселился в Форе вместе с женами и детьми. На родине гноморобы не строили жилища в обычном понимании этого слова. Они *рыли* их, потому что привыкли жить не на поверхности, а под землей. Когда они переехали в Фору, городской Приорат по просьбе Владыки выделил небольшой квартал на окраине, пустующий после сильного землетрясения.

Землетрясения часто случались в центральных областях Аквадора. Этот квартал раскололся широким разломом, от которого во все стороны тянулась сеть трещин. Карлы не стали восстанавливать полуразрушенные, покинутые дома, но поселились в подвалах, соединив их паутиной ходов. Корневой разлом, укрепив деревянными дугами и каменной кладкой, переделали под огромную мастерскую.

– Смотри, великий чар. Это называется мишень.

Неподалеку от печи два зажима вертикально удерживали широкую доску толщиной в три пальца.

– А это – станина и ствол.

Бьёрик встал у торца длинной низкой лавки. К ней тремя дугами крепилась железная труба шириной в два запястья, с одного конца открытая, а с другого имевшая утолщение и узкое отверстие сверху. Из этого отверстия торчал трут.

– Уже готово? – Доктус склонился, разглядывая отверстие. – А заряд?

– Ты, конечно, хотел сказать «метательный снаряд»? Просто кусок железа из плавильной печи. Камера, выходное отверстие, запальная полка – все по тому чертежу, что мы с тобой сделали вчера. Юный Гарбуш, огонь!

Теперь всякие мысли о кознях чаров и Универсале окончательно оставили Доктуса. Вокруг уже столпились карлы, желающие увидеть, что произойдет дальше. Один из них, самый молодой и почти безбородый, бросился к печи и вскоре вернулся с горящей деревяшкой в руках.

– Эй, там, отойдите!

Стоящие между лавкой и доской гноморобы расступились.

– Дальше, дальше! – Бьёрик поднес лучину к труту. Тот быстро прогорел, огонек исчез в узком отверстии.

– Великий чар, тебе бы тоже лучше посторониться, ведь горячий песок...

Песок взорвался. Из трубы вылетел черно-красный язык, грохот заглушил не только слова доброго Бьёрика, но и гудение печей, и стук молотков, и все другие наполнявшие мастерскую звуки.

Доктус обнаружил, что стоит на четвереньках рядом с отъехавшей назад на добрых три локтя лавкой, а большая часть гноморобов валяется на полу. Аркмастер почти оглох от грохота.

– Готово. – Бьёрик выпрямился и ухватил чара за плечо, помогая ему подняться. – Слышишь меня? Шум... Несколько сильнее, чем мы думали.

Гноморобы вставали, очумело мотая головами. Доктус похлопал себя по ушам, посмотрел на мастера, на железную трубу. Камера для горячего песка в ее задней части взорвалась, раскрылась рваными железными лепестками.

– Слишком сильный заряд! – оттолкнув Бьёрика, он бросился к мишени, позабыв про дрожащие ноги и гул в голове.

У края расщепленной надвое доски образовалось обширное отверстие.

– А где, э... метательный снаряд?

Перекидывая с ладони на ладонь еще горячий кусок металла, прибежал молодой гноморб, который ранее поджег лучину для трута.

– Ага... – Доктус взял «метательный снаряд», осмотрел со всех сторон и передал Бьёрику. – Знаешь, в чем оплошность?

Бьёрик был зол – опыт, мягко говоря, прошел не совсем так, как он рассчитывал.

– Оплошность! Промах! – он швырнул кусок металла на пол и запрыгал, топча его и потрясая рукой. – Надо все начинать сначала! Все это – один сплошной промах!

– Почему промах, добрый мастер, мы же попали?.. – молодой гноморб указал на развороченную доску.

– Ты! – добрый мастер схватил его за фартук и принялся трясти. – Кто отвечал за крепость металла, юный Гарбуш? – он мотнул головой в сторону трубы на лавке. – Камера не выдержала! Ты выплавлял металл для камеры и клялся...

– Добрый мастер... – подступив к ним, Доктус заставил Бьёрика отпустить юного Гарбуша. – Постой, нельзя винить его одного. Ты сам приказал использовать тот же металл, который выплавляли для заклепок ковчегів. Возможно, для этого опыта он не годится, слишком легок. И потом, юный Гарбуш не занимался горячим песком. Быть может, переизбыток селитры... И еще, добрый Бьёрик, мне пришло в голову, что мы неправильно рассчитали, ну... – уже в который раз Доктус сталкивался с тем, что ему не хватает слов. Язык Зелура не предназначался для того, чем они занимались. – Я имею в виду то, с какой силой лавка и труба подались назад...

Отпустив юного Гарбуша, Бьёрик устался на лавку.

– Сила отдачи, – пробормотал он, ухватив себя за бороду. – Сила отдачи, вот что это такое. Метательный снаряд, вылетев из трубы... из ствола, сообщает ему... сообщает ему...

– Ускорение, равное тому, с которым он вылетел, – подсказал Доктус, но, подумав, поправился: – Нет, не так. Ускорение – минус вес трубы и лавки...

– Ствола и станины, – машинально поправил добрый Бьёрик.

– Да-да, ствола и станины...

– Почему минус? – вклинился в разговор юный Гарбуш. – А как же уроки мудрого Шерги? Я хорошо помню, он рассказывал про деление. Что если сила... сила выстрела заряда, то есть метательного снаряда, исчисляется массой и ускорением, сообщенным этой массе газами горячего песка, а сила отдачи – этими же массой и ускорением, но деленными на массу трубы и лав...

– Ствола! – заорал добрый Бьёрик. – Ствола и станины! Мудрый Шерги – старый перду... древний ветрогон и... хотя... – Он замолчал, вновь вцепившись в свою бороду и выпученными глазами уставившись на станину. – Уменьшение доли селитры – да. Тут ты прав, великий чар. Мы используем селитру, серу и сушеные опилки. Сдается мне, опилки следует заменить молотым бурым углем.

– Нет, обычным древесным углем! – вставил Гарбуш.

– Итак, селитра, сера, уголь. Еще мы добавляем туда всяческий мелкий мусор, мякоть для замеса – она и вылетает из ствола при выстреле, ты сам видел, великий чар. Следует что-то придумать с этим. И нам нужен другой, более тяжелый металл для ствола. Надежный крепеж для станины. И, быть может, если мы придадим заря... метательному снаряду определенную форму... Мне представляется, чем-то она должна напоминать корабль. Острый нос, чтобы легче преодолевать... преодолевать сопротивление...

– Добрый мастер, но какое у эфира сопротивление? – вновь вмешался Гарбуш. – Корабли плавают в воде, сиречь в более плотной среде, заряд же летит в эфире, который... – он помахал ладонью перед носом доброго мастера. – Пфуй! Никакого сопротивления.

– Туп ты, юный Гарбуш, – произнес Бьёрик снисходительно. – Я уверен, что на большой скорости и эфир может создавать немалое трение. Нет-нет, форма – вот что нам поможет.

– И еще размер, добрый мастер. Форма и размер. Думается мне, размер снаряда также можно изменить, подогнав его вплотную к ширине трубы, сиречь ствола...

Доктус попятился, оставляя гноморобов обсуждать будущее проекта. Сколь ни заинтересован он был в развитии метательных устройств на основе горючего песка, сейчас его больше волновало иное. Увидев, что под руководством юного Гарбуша гноморобы начали отделять остатки ствола от станины, чар кивнул и направился в глубь мастерской, сквозь жар печей и тяжелый гул – к стуку молотков и повизгиванию пил.

Он остановился перед одним из двух прямоугольных остовов. Пришлось задрать голову, чтобы разглядеть всю конструкцию тонких деревянных ребер, окруженных строительными лесами. Вооруженные топорами, молотками и пилами, гноморобы из бригады плотников со всех сторон оккупировали леса. Медленно, но верно скелет левиафана обрстал плотью обшивки. «Ковчег» – вот как называл это Доктус. Охочие до новых слов гноморобы пытались выдумать другие названия – «эфиропланы», «воздухоходы», – но тут уж Доктус был непоколебим. Ковчег, и никак иначе. Два ковчега. Он настолько уверовал в успех данного проекта, что приказал заложить сразу два каркаса, один малый, который добрый мастер Лейфа, руководящий строительством, именовал «опытным образцом», и один, размерами превышающий большую торговую баржу.

За ковчегами открывался пологий спуск. Ни печей, ни факелов – эту часть пещеры скрывала тьма. В каменной кладке, выложенной гноморобами для укрепления стен, виднелась дверь и освещенное круглое оконце. Постучав, Доктус шагнул в комнатку с земляными стенами. Низкий стол и стулья, лежанка, дровяная печка с чайником... Мастер Лейфа дневал и ночевал в мастерской. Сейчас он сидел на стуле и глядел в окно на строительство. Над столом перед ним покачивался небольшой макет ковчега, удерживаемый бечевой, что тянулась от вбитого в столешницу гвоздя.

– Как у нас дела? – Стулья были слишком малы для него, и чар уселся на лежанку.

Мастер Лейфа, сложив ручки на объемистом животе, задумчиво повернулся к Доктусу.

– Пока задержек нет, – сказал он. – Мы сравнили манну, которую нам привезли, с той, что научились делать сами. Наша, конечно, хуже. То есть магическая напитокка каждой унции раза в два меньше. Но... одним словом, она годится. Однако я отвечаю за строительство, за топливо, за внутренние работы – не за двигатель. Что с ним, Доктус?

Единственный из гноморобов, он обращался к аркмастеру по имени. Лейфа покинул западное побережье задолго до того, как часть племени переселилась сюда. Они с чаром были знакомы с юности.

– У меня все готово, – заверил Доктус. – Я только двигателем и занимаюсь последнее время.

– Ты занимался им несколько лет, – мягко напомнил добрый мастер.

– Да, и теперь все получилось.

– Все же это магия. Понимаешь, вон там... – Лейфа указал за окно. – Лишь железо и дерево. Сила подъема и сила сжатия, трение и сопротивление – естественные законы. Они надежны. А магия... – он пожал плечами.

– Не забывай, я чар.

– Да. Но я-то не чар. Я не доверяю магии.

– Ни один естественный закон не поможет нам сдвинуть с места такую махину. Даже с этим вашим новым облегченным металлом для заклепок получается слишком тяжело.

– Горячий газ сдвинет ее, – возразил Лейфа. – И земные недра дадут нам этот газ. А печи помогут создать необходимую температуру.

– Сдвинет – но не направит, – возразил Доктус. – Нам необходима постоянная сила.

– Паруса.

– Слишком ненадежно. Конечно, их также необходимо использовать, но лишь как при-
даток к основному двигателю. Нет-нет, не спорь, – добавил он, увидев, как Лейфа помор-
щился. – Я не намерен отказываться от магии. В этом суть моей работы. Объединить магию
и... – Доктус показал в окно, – и все это.

Помедлив, добрый мастер кивнул.

– Как скажешь. Что там у Бьёрика? Только что я слышал изрядный шум...

– Камера для горячего песка взорвалась. Но заряд вылетел куда надо. Хотя я заметил,
что отверстие от его удара образовалось не в центре доски.

– Мишени. Добрый Бьёрик именует ее мишенью.

– Да, мишени. Так вот, при движении по эфиру заряд сместился непредсказуемо, надо
полагать, из-за своей формы.

– Значит, пусть они изменяют форму.

– Они уже пришли к этому. Юный Гарбуш весьма... весьма прыток и озабочен удач-
ностью всего проекта с горячим песком.

– Мой сын всегда был прыток и чем-то да озабочен.

Они помолчали.

– Твой сын – гений, – сказал наконец Доктус, но Лейфа лишь досадливо махнул рукой.

– Он непослушен и слишком самоуглублен. Оставим эту тему. Бьёрик недавно толковал
про то, что хочет установить этот свой ствол на моем ковчеге.

– Ты против?

Лейфа почесал толстую багровую шею и хмыкнул в бороду.

– Нет, пожалуй. Но только после того, как ствол у меня на глазах пройдет два... нет,
три успешных испытания.

– Это разумно, – согласился Доктус, поднимаясь с лежанки. – Джига не досаждала вам
больше?

Лейфа скупно улыбнулся.

– Он засел с сыновьями в своей тайной норе-мастерской и пытается создать малый
эфироплан. Говорит – мы идем неправильным путем.

– Все еще обижен?

– Даже более, чем прежде.

Доктус смущенно развел руками.

– Я вовсе не хотел ссориться с ним. Но его идея создать армаду эфиропланов-птиц...
Сейчас нам это не нужно. Быть может, позже... Ну хорошо, пойду к себе. Двигатель готов,
но я, как и ты, полагаю, что число предварительных испытаний должно быть наибольшим.

– Успехов, великий чар, – пробормотал Лейфа. Когда Доктус выходил, мастер уже смот-
рел в круглое оконце на плотников, продолжавших стучать молотками.

Лаборатория аркмастера располагалась прямо над большой мастерской. Работать не
хотелось, воспоминания о встрече в Универсале мешали сосредоточиться. Но два проекта,
на которые ушло столько сил, горячий песок и ковчеги, подходили к завершению. Требова-
лось закончить их как можно быстрее, пока ничто не встало на пути. Отбросив посторонние
мысли, Доктус сел за стол.

Здесь стояла лакированная черная доска, поверхность ее усеивали формулы и
несколько чертежей. «Чертежи» – это слово, как и «проект», и многие другие, аркмастер
тоже почерпнул из наречия гноморобов.

Союз со славными карлами оказался на редкость удачным. Кузнецы и плотники, гон-
чары и строители... они были *механиками* до мозга костей. В Форке механика никогда не
пользовалась популярностью, даже водопровод из дерева и глины, – по мнению Доктуса,
очень примитивный, – здесь отстроили совсем недавно и лишь в богатых верхних кварталах.

Универсал, давно достигший могущества, позволявшего влиять на решения приосов из Приората, занимался только магией. Последние пару лет Октон, несмотря на сопротивление приосов, пытался распространить образование. Для детей знати и самых богатых городских торговцев знание письма, основ математики и логики было необходимым; в некоторых цеховых школах преподавали Семь Искусств, состоящих из Triviuma – грамматики, риторики, диалектики, и Quadriviuma – геометрии, арифметики, астрологии и музыки. Но для просто-народья это оставалось недоступной роскошью. Без астрологии, музицирования и риторики дети бедняков, конечно, могли обойтись. Но Октон полагал, что основами письма и счета должно владеть большинство. Пока что образование не стало общедоступным даже в Форте, что уж говорить про всю империю. Огромное пространство с редкими поселениями и еще более редкими городами, дикая земля и дикие обитатели. Культура и магическая наука сосредоточились здесь, в центре, а на окраинах даже магия была дикой. В пограничных районах верховодили шаманы и ведьмы, племена вроде гноморобов с их развитыми ремеслами оставались редким исключением. Цивилизовать окраину – дело не одного поколения, но речь шла о зачатках лишь обычной культуры. А механика... Нет, этого здесь не понимал почти никто. Гело слишком холоден и суров, Некрос предпочитает мертвых живым, а Сол, если добьется власти, не мудрствуя лукаво превратит всех в рабов... Иногда Доктус думал, что будет неплохо, если Октон передаст Мир ему. Аркмастер страшился власти, но это помогло бы развить механику в столице, а после и во всем государстве. Не саму по себе – его интересовало именно слияние механики с магией. Вещественная магия – вот что это такое. Магия, помогающая работать механизмам.

Он глянул на широкий железный стол... То есть на станину, стоящую у двери. Там лежали части двигателя: пара соединенных трубками цилиндров, массивный вал, блок из шестерен. Источником энергии должна стать алхимическая реакция, своеобразное жидкое воплощение философского камня, которое Доктус сумел заключить в цилиндры – искусственная манна, созданная в мастерской доброго Лейфы.

Впрочем, теперь у него появилась новая возможность – Слеза. Она лежала в сумке на поясе, поток исходящей от нее энергии Доктус Савар ощущал через одежду. Слеза наполняла чара силой, заставляла кровь быстрее струиться по венам, разогревала ум, будоража мысли.

Жалко расставаться с ней даже на время, но если провести несколько экспериментов, жемчужину можно будет приспособить для питания двигателя хотя бы одного ковчега.

Аркмастер признался самому себе, что не доверяет Слезе. Парангон – нечто исключительно магическое, о механике, науке здесь вообще не шло речи. Обруч, выкованный стихийными духами на первозданной Наковальне у истоков времен, был магией в чистом виде, квинтэссенцией чудесного. Эти слова: стихийные духи, Наковальня Мира, чудеса – и механика, чертежи, наука – сочетались в сознании Доктуса Савара так же легко, как его магия сочеталась с механическими изделиями гноморобов.

Дверь возле станины с двигателем раскрылась, и облаченный в плащ человек шагнул в лабораторию.

Доктус вздрогнул, приподнимаясь на стуле. Страх, который одолевал чара всякий раз, когда он покидал свой квартал, сковал разум. Убийца, подсланный кем-то из аркмастеров...

Вошедший скинул капюшон; мгновение Доктус не мог узнать гостя, затем разглядел знакомое, хотя теперь лишенное морщин лицо.

– Вы надели Мир? – прошептал он.

– Да, и сразу спрятал его обратно. – Октон Маджигасси скинул плащ на пол и прикрыл дверь. – Без Слез сила обруча уменьшилась, но и сейчас он даст мне немного лишнего времени.

Голос старика окреп, теперь он четче выговаривал слова. Октон уверенным шагом пересек помещение и сел напротив Доктуса.

– Нам надо спешить.

– Но как вы прошли сюда? Мы охраняем...

– Наверное, ты слышал, что там... – Владыка показал вниз, – есть целый лабиринт. Не беспокойся, этот путь известен только мне. Я помогал тебе. А ты всегда старался убедить меня, что механика может сослужить добрую службу всем нам. Настала пора для этой службы. Теперь слушай, Доктус...

И по мере того как Доктус Савар, холодея, слушал своего Владыку, мысль, которую он пытался и не мог отогнать, – мысль о том, что с самого начала Октон Маджигасси помогал ему только потому, что все предвидел и рассчитывал воспользоваться плодами его работы, – эта досадная и тревожная мысль все сильнее овладевала сознанием аркмастера.

Глава 3

- А я тебе говорю – это локоть. Ну точно, взгляни отсюда...
- Какой же локоть, Альфар? Натуральный зуб.
- Да нет, ну что за зуб может иметь такую диковинную форму? Локоть и есть.

Фора стояла на пологой горе под названием Шамба: бедные кварталы расположились у подножия, улицы постепенно взбирались к вершине, к домам богачей и Универсалу. Вечерами пирамида окутывалась призрачным магическим свечением, огни горели в окнах богатых домов, факелы освещали площадь Приората. Если встать ниже по склону и посмотреть в сторону вершины, то на фоне сияния темный силуэт Острога-На-Костях покажется уродливым и страшным, как смертный грех.

Тюрьму построил Гэри Чермор. Дед Некроса был великим полководцем, умевшим и командовать армиями, и первым бросаться в бой с мечом наголо, вопя что есть силы и вселяя безрассудную смелость в сердца своих воинов. Меч Гэри, именуемый Ликом Смерти, стал легендарным оружием в Аквадоре. А еще старый Чермор отличался неуравновешенным, взбалмошным характером. Вспышки ярости у него сменялись периодами глубокой апатии, и над всеми чувствами довлел ужас перед заговорщиками, убийцами с отравленными кинжалами. В военных походах страх исчезал, но в мирное время расцветал с новой силой, и возраст лишь усугублял его.

Когда союзники Чермора наконец пришли к власти, его отправили усмирять несогласных. Армия Гэри прошла большую часть империи, уничтожая оставшихся врагов. Составившись, Чермор поселился в Форе, и мания преследования вконец одолела его.

Старику потребовалось место, где он мог бы спрятаться от всего мира, такое, где он стал бы полновластным хозяином, наперечет знал каждую скрипящую ступень, каждое чердачное окошко, темную кладовую или сырой погреб. Старая тюрьма во время взятия Форы оказалась разрушена, нужна была новая. Чермору выделили средства и пленных для строительства.

Он сам создал проект Острога. За год конгломерат строений, подобных которому здесь еще не видывали, был воздвигнут руками нескольких сотен рабов. По слухам, всех их убили за одну ночь в подвалах башни, которую достроили последней, – и там же похоронили, закопали в земляные полы и вмуровали в каменные стены. Исчезли и оба помогавших старику архитектора. Гэри Чермор полагал, что никто, кроме него, не должен знать тайн Острога.

А тайн хватало. Старик превратил тюрьму в сооружение, противоречащее всяким архитектурным законам. Он размышлял следующим образом: хорошо вооруженный, тренированный, имеющий достаточную численность враг в любом случае прорвется за стену. Значит, надо сделать так, чтобы внутри он... потерялся. Маниакальная фантазия Гэри способствовала воплощению идеи в жизнь. Острог-На-Костях стал триумфом иррационального, в основе которого лежала мрачная, болезненная рациональность. Перекрученные мостики, полые колонны с винтовыми лестницами, тайные проходы, лабиринты ажурной резьбы, ведущие во тьму лестницы, часовни с раздвижными полами и начиненные ловушками башенки...

Говорили, что где-то в недрах уродливой громады до сих пор остался страшный кабинет давно почившего Гэри, и мебель там обита человеческой кожей. Посреди кабинета стоит стол, ножки которого сделаны из берцовых костей, а столешница из отесанных верхушек черепов.

Некрос Чермор хорошо знал цену подобным рассказам, как и его брат, сидевший сейчас за тем самым столом. Этот предмет мебелировки, равно как и остальные в кабинете, был, конечно, необычен, хотя ни о каких костях речи все же не шло.

Стол *имел вид* сложенного из костей и черепов лишь потому, что на старости лет у покойного деда появилось свободное время для столярного дела, к которому он всю жизнь испытывал склонность, но заниматься всерьез не мог по причине крайней занятости ратными делами. Кресла напоминали перевернутые черепа, всякой другой мебели Гэри также придал схожесть с различными частями человеческого тела – схожесть, зачастую ускользающую, так что Некрос с братом иногда забавлялись попытками определить, что именно подразумевал дедушка под формой какого-нибудь чересчур уж затейливого сундучка: коренной зуб? лопатку? или, быть может, коленную чашу?

– Хотя... – Альфар свесился набок из кресла и даже высунул язык от усердия, пристально вглядываясь в шифоньер у окна. – Хотя вот теперь мне сдается, что ты прав и это зуб... Ну да, точно, левый клык.

– Почему левый?

– Вот, конечно, теперь, брат мой, ты скажешь, что правый!

Альфар хоть и отличался несерьезностью нрава, никогда не улыбался. Препираться с ним можно было до бесконечности, и при этом не оставляла мысль, что над тобой насмеются. Некрос пожал плечами. Стоящий у его ног Тасси глянул на Альфара черными глазками и широко зевнул, показав жутковато выглядевшую мокрую розовую пасть с острыми зубами. Тасси принадлежал к редкой породе существ, называемых псами-демонами. В обычных условиях днем они спят в своих усталых травой и листьями логовах, а бодрствуют по ночам, но Тасси приучился вести дневной образ жизни, хотя до сих пор в светлое время часто зевал и засыпал при первом удобном случае.

– Вот послушай, что приснилось мне этой ночью. – На лице брата возникло кислое выражение, и, чтобы не видеть его, Некрос повернулся к окну. – Не переживай, этот сон был совсем коротким и не таким запутанным, как другие. Я поднимался по лестнице, и в моих руках был меч, клинок которого состоял из стремительно проносящихся от рукояти к концу мертвых лиц. Следом за мной шла женщина. Она что-то говорила мне, но я не слушал. Стреление, в котором мы находились... По-моему, оно расположено здесь, в Остроге, возможно, это даже та самая башня, где мы сейчас, – хотя в этом я не уверен. Снаружи что-то пылало, запах гари проникал на лестницу. Я поднялся до верхней ступени и увидел лежащего на боку человека. Все лицо его было изрезано... Тебе неинтересно? Ну, хорошо. Кажется, у нас новая заключенная?

– Ты знаешь? – удивился Альфар.

– Рано или поздно я узнаю все, что происходит в Остроге. Откуда она взялась?

Альфар помедлил, разглаживая большим и указательным пальцами аккуратные черные усики. Младший Чермор был щеголем, очень ревностно относился к своей внешности, тщательно одевался, причесывался и брился дважды в день.

– Вроде бы из пирамиды.

– Из пирамиды? – Некрос повернулся. – Что это значит? И почему ты не сказал раньше?

– Потому что ее и доставили недавно. А возлюбленный брат мой второй день ходит сам не свой после той встречи с Владыкой.

– В чем ее обвиняют?

– Кажется, в убийстве чара.

– Чара? Из какого цеха?

Альфар пожал плечами. Взаимоотношения Черморов с хозяевами города отличались двойственностью. С одной стороны, братья владели Острогом-На-Костях и были полновластными хозяевами здесь. С другой – земля, на которой стоял Острог, принадлежала городу. Форка отправляла сюда своих преступников, и Черморы могли делать с ними все что угодно... Хотя не со всеми и не всегда.

– Кажется, убитый принадлежал к теплому цеху. Пока точно не знаю. Заключение еще не допрашивали. Я дожидался, когда ты придешь в себя, ведь ты хотел, чтобы любого убийцу...

Некрос поднял руку, и Альфар замолчал. При всей легкости и несерьезности нрава к старшему брату он относился с большим пиететом.

– Где она?

– В верхних камерах. Пойдешь один или дать палача? Девушка не произвела на меня впечатления сильной, быть может, пытки не понадобятся. Хотя в таких делах я предпочитаю полагаться на старые добрые ногтевые щипцы и суставодробилки, а не на эти новомодные разговоры по душам при слепящих масляных лампах, направленных в глаза преступнику.

– Я пойду один, – решил Некрос.

Кивнув, он покинул кабинет. Тасси враскоряку потрусил следом. Его черная шкура, на груди испещренная мелкими белыми пятнами, туго натягивалась, будто маленькая бархатная куртка, надетая на толстяка. Башка покачивалась, короткий широкий хвост стоял торчком. Мощным сложением пес-демон напоминал медведя, но при этом был размером с небольшую собаку, а ходил как свинья. Несколько глубоких шрамов украшали лоснящиеся бока – демоны славились необузданностью и свирепостью. Вызывая противника на бой, они издавали пронзительные крики. В зависимости от обстоятельств Тасси кашлял, чихал, булькал, лаял, хрюкал или глухо рычал – словно ругался.

Количеством и запутанностью здешние коридоры напоминали великий Лабиринт Стихий, в центре которого, как гласила легенда, стояла Наковальня Мира. Некрос, впрочем, полагал, что знает весь Острог от нижних темниц до чердаков, ведь большая часть его жизни прошла здесь.

Вскоре он добрался до уровня, именуемого верхними камерами. Попасть сюда для заключенного считалось большой удачей, так как камеры эти располагались несколько выше поверхности земли. В некоторых из них даже имелись узкие оконца, сквозь решетки можно было различить бесконечные внутренние дворики и окруженные копейными оградами площадки со столбами и привязанными к ним телами.

– Новая заключенная, – сказал аркмастер вскочившему с лавки жирному тюремщику. Тот осклабился, показывая беззубый рот, брякнул связкой ключей и поклонился, жестом приглашая хозяина следовать за ним. По кольцевому коридору они обогнули здание, миновали крытый переход, висящий в двух десятках локтей над пустой мощеной площадкой. Тасси трусил следом, покачивая задом. Наконец провожатый открыл железную дверь, до ушей Некроса донеслись стенания и звяканье цепей. Тюремщик провел хозяина мимо ряда решеток, отпер последнюю и вновь поклонился.

– Постой здесь.

Некрос шагнул в камеру, наполненную запахом гниющей соломы. Сквозь крошечное, шириной в две ладони оконце проникал скупой свет уходящего дня. К сложенной из разномастных камней стене двумя цепями была прикована узница. Цепи натянулись – она висела на них, широко раздвинув руки и подогнув ноги. Казалось, что она в обмороке. Щурясь в полутьме, Некрос пересек камеру, разбрасывая солому острыми носками сапог. По мере того как он приближался, а зрение его свыкалось со скудным освещением, фигура у стены принимала более ясные очертания. Голова узницы свесилась на грудь, длинные темные волосы скрывали лицо. Порванное во многих местах платье из красного сендала со шнуровкой и широкими рукавами было грязным. Плечи оставались обнаженными – то ли тени от решетки в окне, то ли синяки покрывали их.

Когда Некрос сделал последний шаг, приблизившись к заключенной почти вплотную, та пошевелилась. Плечи дрогнули, голова поднялась. Пряди волос упали с лица, глаза медленно раскрылись и взглянули на чара.

Душу аркмастера мертвого цеха накрывала череда светлых и темных пятен, слепящая рябь золотых отблесков и черных дыр. От рождения тьма и свет боролись в нем, но даже когда свет брал верх, это никогда не был безоблачный летний полдень – скорее вечерний сумрак. Ну а когда побеждала темная половина его натуры, в душе Некроса Чермора воцарялся непроглядный мрак глухой беззвездной полночи.

Сейчас взгляд узницы воспламенил в нем гудящее, сияющее невыносимым светом солнце. Ореолом очертив фигуру у стены, свет прошел сквозь глазные яблоки Некроса и выжег золотой силуэт на поверхности его мозга.

После шелеста соломы в камере воцарилась недолгая тишина, а затем тюремщик услышал топот ног. Он отступил, когда прямо перед ним возникло смуглое лицо.

– Ключ! Ключ от цепей – *быстро*.

Жирное тело затряслось, как студень. Когда хозяин говорил подобным голосом, это обычно заканчивалось мучительной смертью того, к кому он обращался. Стоящий у ног тюремщика Тасси рыкнул, словно выругался. Дрожащая рука толстяка опустилась, пальцы зашарили у пояса. Несколько долгих, мучительно страшных мгновений он не мог нащупать нужное кольцо, наконец сдернул с ремешка и положил в подставленную ладонь требуемый ключ.

– Вон! – процедил Некрос, разворачиваясь. – Двоих с носилками в камеру. Если, когда я отомкну цепи, носилок не будет здесь – сожрешь свои яйца.

* * *

Она открыла глаза.

И спряталась под одеялом.

Сидящий на краю кровати человек неуверенно поднял руку и потянул одеяло, но она вцепилась и не отпускала. Тогда он выпрямился, растерянно хмурясь.

Девушка выглянула. В первое мгновение ей почудилось, что у человека черное лицо – это и испугало ее. Здесь горела лишь пара свечей, помещение наполнял полумрак. Теперь она разглядела, что лицо не черное, а просто смуглое. Она нырнула под одеяло с головой, попыталась разглядеть свое тело, провела ладонью по груди и животу, после чего вновь выглянула. В глазах появилось возмущение, смешанное с испугом. В то же время казалось, что она прислушивается к каким-то своим внутренним ощущениям.

– Ведь ты ничего не сделал мне, пока я была без сознания?

Некрос Чермор моргнул. Чар очень редко чувствовал неуверенность в себе, подобное противоречило его натуре. Но сейчас он ожидал другого вопроса – растерянно-молящего «Где я?» или «Кто ты?» – а не вот такого, прозвучавшего почти как обвинение.

– Нет, ничего.

– Но ты раздел меня. Или это не ты?

– Вообще-то я. Платье было в грязи. И порвано.

– Надо думать, ты не закрывал при этом глаза?

– С закрытыми глазами я бы не справился со всеми этими петельками и застежками...

Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Некросу казалось, что в спальне становится светлее.

– Итак... – она села, удерживая одеяло на груди. – Где я нахожусь?

Этого вопроса он ждал – и не очень хотел отвечать. Ответ таил в себе двусмысленность, хотя теперь, после того, что она спросила с самого начала...

– Моя спальня.

– Ага! – произнесла она, будто сейчас все встало на свои места. Многозначительная тишина тянулась долго, и наконец Некрос, в душе обозвав себя слизняком, произнес:

– Я велел принести несколько платьев. Вот... – он указал на стул у кровати. – Какое-нибудь подойдет тебе.

Девушка рассмотрела платья, перевела взгляд на странное существо, спавшее под стулом.

– Я ведь все еще в Остроге?

– Конечно.

– В таком случае чьи это платья?

Когда Некрос отводил взгляд, свет мерк, в помещении становилось темнее, а когда смотрел на нее, сияние вновь медленно разгоралось, мягко высвечивая предметы. Хотя чар подозревал, что на самом деле никакого сияния нет.

– Неожиданный вопрос, – признал он. – Думаю, остались от кого-то из заключенных. Тех, кто... – Чермор замолчал, опасаясь, как бы она вновь не спряталась под одеяло. При всей женственности, с которой она это проделывала, в подобном поведении было что-то очень детское.

– От несчастных женщин, которых замучили до смерти в Остроге-На-Костях?

Некрос выпрямился, ощутив укол злости. Почему он смущается? Какая-то девка от силы семнадцати лет! Можно для начала слегка придушить ее, а потом... Но когда он в упор посмотрел на нее, опять стало светлее, и руки, уже поднявшиеся, чтобы сжать ее шею, сами собой опустились.

– Нет, преступниц, которых здесь казнили, – произнес аркмастер.

Опять молчание – она обдумывала ответ – и затем:

– Что ж, пусть будет так. В конце концов, какая разница, кто носил одежду раньше, если ее отстирали. Ведь они постираны?

Некрос неуверенно потрогал подол одного из платьев.

– Вроде бы да...

– Вроде бы?

Разговор шел совсем не так, как он предполагал. В конце концов, он – аркмастер цеха мертвой магии, совладелец огромной тюрьмы, один из десятка влиятельнейших людей Города-На-Горе. Надо напомнить ей, как на самом деле обстоят дела.

– Ты все еще в Остроге, – произнес он, стараясь, чтобы голос звучал сухо и ровно. – И все еще преступница. Обычно к нам попадают те, кто уже прошел через суд. При суде есть своя тюрьма, там они сидят до вынесения приговора. Но иногда тюрьма переполнена, либо дело слишком важное, преступник слишком опасен, у него слишком могущественные друзья. Городская тюрьма охраняется не так хорошо, из Острога же сбежать невозможно. Теперь отвечай на мои вопросы. Твое имя?

– Ridji'Ana.

– Что?

Она опять заставила его растеряться. Слова были произнесены на незнакомом наречии, чар никогда не слышал ничего подобного.

– Риджиана?

– Нет-нет! – впервые с начала разговора она чуть улыбнулась. В спальне – или, быть может, в глазах Некроса Чермора – стало светлее, и он отвел взгляд, потому что свет этот мешал мыслить связно.

– Два слова. Ridji...

– Риджи?

– Да, и еще Ана.

– Ана?

– Разве ты не слышишь, как я говорю?

В ее произношении между двумя «а» звучало не совсем «н», тут было что-то другое, более мягкое и протяжное. Некрос не смог бы повторить в точности.

– Хорошо, пусть будет Риджи. Откуда ты?

– Вообще-то из Форы.

– Никогда не слышал про такой род – Ана. Или вы бедняки?

– Нет, хотя не очень-то и богатые. В детстве меня отправили на юг, к тетке, там я воспитывалась. А недавно вернулась.

– И убила человека?

– Убила чара.

– Почему?

Она легла, укрывшись одеялом до подбородка.

– Ты хочешь, чтобы я все рассказала?

– Хочу? Я требую, чтобы ты рассказала все. Не расскажешь – тебя вернут в темницу и станут пытать. Наш кузнец, мастер Бонзо, – мастак создавать всякие пыточные инструменты. Ты удивишься, насколько сговорчивее делает человека медленное сгибание указательного пальца под противоестественным углом или постепенное сжатие локтевого сустава при помощи соответствующих тисков. Я неоднократно наблюдал за этим. Крови обычно немного, но боль очень велика. Я видел ее в глазах преступников, в их разинутых ртах, слышал в их криках. Пока ни один – ни один! – человек не смог противостоять нашим пыткам. А потому, сдается мне, для тебя же будет лучше начать рассказывать прямо сейчас и не умолкать, пока я не прикажу тебе закрыть рот.

Риджи вопросительно смотрела на него.

Некрос так и не произнес ничего этого вслух, лишь мысленно.

– Да, – сказал он наконец. – Расскажи все... пожалуйста.

Она вздохнула. Из-под одеяла показалось тонкое запястье, пальцы отвели со лба темный локон.

– Ну хорошо. Тогда слушай, это не так уж и длинно. Моя мать умерла, родив меня, отец служил у теплого чара, аркмастера Сола Атлеко. Наверное, ты слышал о нем? Мы состоим с ним в родстве, хотя и очень дальнем. Не помню точно, как называлась должность моего отца. Она не так уж высока. Постарев, он ушел на покой. Под городом нам принадлежит земля, там стоит поселение, жители которого платят за то, что живут на этой земле и возделывают поля. Меня отправили на юг, к дальней родственнице, которую я называла тетей, хотя она не была сестрой моего отца или матери. У нее я провела десять лет. Недавно отец прислал слуг с фургоном и приказом возвращаться. Он точно не объяснил причину, но из письма я поняла, что меня собираются выдать замуж за какого-то важного мастера в Форе.

По дороге мы остановились на ночлег в нашем селении. Но на него напал человек, вышедший из леса. У него были длинные черные косы с лентами, волосы блестели от жира. Охранявших меня слуг он убил, тех крестьян, что пытались обороняться, – тоже. Наверное, ты знаешь, что в каждом селении живет чар, присланный из Форы. Он защищает жителей, лечит, иногда обучает детей. В нашем селении жил чар теплого цеха. Он сражался с незнакомцем и был побежден. Я бежала – посреди ночи, пешком, в том самом платье, которое ты видел на мне. Я слышала, как напавший на селение человек несколько раз повторял два слова – «Гело Бесон», и это звучало не как имя его врага, но как имя того, кому он повиновался.

К полудню я добралась до Форы, с трудом отыскала родной дом... и поняла, что теперь он принадлежит Универсалу. Я не могла войти: меня не впустили, а когда стала объяснять, кто я такая – попытались схватить. Неподалеку расположено небольшое кладбище, где похоронены мои предки. Убежав от людей, которые охраняли наш дом, я пошла туда. У ограды сидела старушка, в которой я признала одну из наших служанок. Она рыдала – и рыдания

стали еще громче, когда она узнала меня. Служанка сказала, что вся семья, отец и тетушки, – все убиты этой ночью клириками из пирамиды. Я спросила, похоронены ли они уже, но служанка ответила, что тел здесь нет. Они исчезли, быть может, их скормили свиньям, быть может, забрали в подвалы Универсала для ритуалов, о которых страшно и думать. Обхватив меня за шею, она рыдала все громче, содрогалась всем телом и давилась, задыхалась рыданиями. Казалось, какая-то страшная картина, которую она не может описать мне, все еще стоит перед ее глазами. Наконец, вскрикнув, старуха упала бездыханная.

Я уложила ее возле ограды и вернулась к дому. Когда я приблизилась, появился паланкин. Тяжелые ворота начали открываться, несшие паланкин люди остановились. Я бросилась к нему, отодвинула занавеску в окне и увидела человека, одетого, как чар. Новый хозяин нашего дома – кто же еще это мог быть? Носильщики что-то закричали, но я не стала медлить. На запястье у меня был чехол, а в нем кинжал, совсем маленький. Я достала его и вонзила в грудь чара. Носильщики схватили меня и жестоко избили. Потом я плохо помню. Появились стражники и притащили меня сюда. Здесь приковали к стене в камере. Ночь я провисела на цепях. Теперь я в твоей спальне. Моя сумка, ее тоже доставили сюда? И моя накидка? Нельзя ли мне получить их обратно?

Когда Риджи Ана замолчала, Некрос еще долго сидел, уставившись на нее. Руку он просунул под ворот рубахи, пальцы нащупали висящую на цепочке Слезу и сами собой сжали ее.

Чар встал, пробормотав:

– На столе таз и кувшин с водой. Можешь одеться. Позже принесут еду. И твою сумку.

Когда он выходил из спальни, Риджи увидела, как зверь под стулом поднялся, зевнул и, виляя задом, потрусил за хозяином.

Некрос запер дверь и двинулся по коридору, опустив голову, отрешенно глядя себе под ноги. Спустя продолжительное время он очутился в одном из многочисленных внутренних двориков Острога. Здесь стояла деревянная рама, в ней висел заключенный. По бокам от рамы застыли два чернокожих эдзина, как называли охранников Острога-На-Костях. На некотором расстоянии позади преступника, волоча за собой длинный бич, прохаживался тяжело дышащий Альфар Чермор. Он вспотел от усилий, но выглядел, как всегда, щегольски – даже не снял с шеи изящный темно-синий платок.

– А, возлюбленный брат мой! – произнес он. – Ну как юная красотка? Доволен ли ты допросом?

– Аль... – пробормотал Некрос, подходя к брату вплотную и не слыша его слов. – Ты знаешь, что Гело Бесон использует лесных шаманов, чтобы захватывать поселения, принадлежащие сторонникам других цехов? А в это время чары Владыки Октона здесь, в городе, вырезают самих сторонников с семьями и поселяются в их домах? Надо ли это понимать так, что Гело сошелся с Октоном? Кто мог ожидать подобного? Пошли к Горе Мира согляда-таев. Пусть сидят в трактирах у площади, бродят по улицам, изображают нищих, валяются в канавах. И наблюдают – днем и ночью.

Глава 4

Обнаженный человек лежал неподвижно, раскинув руки. Светлые глаза, не моргая, уставились в одну точку на высоком потолке. Волосы по всему телу были седыми – единственное свидетельство старости. Могучие мускулы, сейчас полностью расслабленные, все еще наполняла сила.

Ни ковров, ни мебели, никаких украшений – в комнате был лишь бассейн, квадратное углубление посреди пола. А еще два ведра и кусок льда между ними.

Человек дышал медленно и так тихо, что казалось, не дышит вовсе. Тело полностью погрузилось в воду, только лицо оставалось над поверхностью. Волосы расплылись волнистыми длинными прядями, похожими на белесые водоросли. Вокруг плавали льдинки.

В комнате царил тишина, все застыло, лишь прозрачный морозный пар поднимался над бассейном.

Из-за двери донеслись шаги. Кто-то медленно шел, шаркая, иногда надолго останавливаясь. Человек не шевелился, глаза, не моргая, смотрели в потолок. Дверь раскрылась, и согбенная фигура вступила внутрь. Старуха, обмотанная рваньем так, что виднелся лишь нос, подошла к бассейну, кряхтя, наклонилась, потрогала воду. Ногой спихнула туда кусок льда, хрустнув суставами, подняла ведра и покинула комнату.

Еще некоторое время Гело Бесон лежал, не шевелясь, наконец встал. Талая вода побежала по груди и бокам, собираясь в прозрачные дорожки вдоль шрамов и рубцов, стекла по рукам, по широкому браслету из сплава серебра и меди на правом запястье. Браслет покрывали матовые и зеркальные пятна по-разному обработанной поверхности; в углублении, удерживаемая тонкой серебряной сеточкой, покоилась Слеза Мира.

В соседнем помещении он накинул длинный халат и обул сандалии на тонкой подошве, такой, чтобы ступни ощущали пол. Аркмастер не любил шершавое дерево. Хорошо отполированное холодное железо казалось чару более привлекательным, хотя металлу Гело предпочитал камень. Ему чар отдавал должное, но и каменная поверхность никогда не была достаточно хороша, куда сильнее Гело Бесону нравилась идеальная гладь застывшей воды. Он любил лед.

Здесь климат не отличался достаточной прохладой для того, чтобы Гело мог построить дом, в котором хотел бы жить. Когда-то чары столицы составляли одну общину, разделение произошло несколько лет назад. С тех пор глава каждого цеха отстроил для себя здание, ставшее символом его школы, – все, кроме Некроса Чермора, который и без того жил в Остроге–На-Костях, вполне отвечавшем духу мертвой магии.

Замок Гело Бесона назывался Наледью. Он стоял на северной оконечности Форы, за ним перешеек тянулся еще несколько лиг, соединяя центральный Аквадор с Бритой. Северная сторона – и все равно здесь было не настолько холодно, чтобы Гело смог построить Наледь из ледяных глыб. Так что чар удовлетворился обычным гранитом, но зато мебель сотворил при помощи своей магии – управляемого холода. Ларь, из которого аркмастер достал халат, имел нежно-голубой цвет, узоры инея покрывали его.

Аркмастер стянул волосы в хвост, перевязал бечевой и по длинному коридору направился к центру замка. Ближе к наружным стенам явственнее ощущалась температура окружающего мира – сначала под подошвами был камень, но затем на нем появился иней, сменившийся тонкой ледяной корочкой. Чар шел не спеша, а пятна льда разрастались, постепенно сливаясь в сплошную поверхность. Коридор плавно свернул, мороз усилился. Теперь камня не стало видно, все покрывал лед.

Еще один поворот – и коридор вывел аркмастера в большой зал. У входа стоял прислоненный к стене меч-бастард с длинной рукоятью.

На ходу подхватив оружие, Гело сделал несколько шагов и остановился.

Он оказался в центре Наледи. Никаких углов, вокруг только покатые поверхности, никаких резких переходов – участки белого цвета постепенно сменялись голубым, очень глубоким и чистым. Гело Бесон медленно поднял голову. Веерный свод, скопище перевернутых ребристых чаш, изгибался колоколом, с которого свисало семь длинных сталактитов.

В глубине ледяной толщи застыли полотнища расплывчатого сияния: одни изгибались, повторяя очертания стен и свода, другие напоминали большие комья светящегося льна, клубки нитей, замороженных в лед. Ясная зимняя тишина, казалось, неслышно потрескивала, и в такт ей по всему помещению перемигивались мириады снежных искр. Зал не отличался величиной, но полупрозрачные пласты льда и хрустальный свет создавали иллюзию гигантского пространства, ледяного сердца вселенной, из которого в мир приходят морозы, вьюги и снежные бураны.

Гело положил меч, скинул халат и левой рукой сжал браслет на запястье. Большой и средний пальцы легли на Слезу. Аркмастер замер. Некоторое время ничего не происходило. От ног чара поползли клубы пара. Раздалось приглушенное гудение; невозможно было понять, издает ли его Гело, или оно само собой возникает в воздухе. Пар сгустился, теперь клубы, похожие на шапки пены, ползли во все стороны. Гул стал сильнее, возник поток снежинок. Толстый, как хвост дракона, он завернулся широкой спиралью вокруг чара, налился ярким белым светом. Снежные клубы плескались у ног Гело. Он закрыл глаза, медленно приседая, вжимая пальцы в Слезу. Гул стал еще громче, вверху затрещало. Чар уже сидел на корточках, опустив голову между коленями. Он не видел, что происходит вокруг, но слышал свист ледяного смерча и хруст опускающихся с купола сталактитов.

А затем – в одно мгновение – все смолкло. Тишина продлилась недолго, ее сменили звуки ударов льда о лед. Чар сидел в той же позе, с закрытыми глазами. Наконец его пальцы соскользнули с парангона и нащупали рукоять меча. Звуки приближались со всех сторон. Они доносились от нескольких источников – одни находились дальше, другие ближе, но все медленно двигались к нему. Чар прислушивался, определяя их расположение, расстояние между ними. Выждав еще немного, Гело Бесон выпрямился, отвел в сторону полусогнутую ногу, качнулся и взмахнул мечом – все это одним длинным и плавным движением, завершившимся хрустом льда.

Его массивное тело двигалось грациозно. Аркмастер сделал скользящий шаг и коротко рубанул. Подтянув правую ногу к левой, широким круговым движением вернул меч назад, положив плашмя на локтевой сгиб. Последовал второй шаг правой ногой и одновременно – быстрый взмах на высоте головы, после чего, не меняя позиции, Гело согнул руки в локтях, словно подрезая чьи-то конечности. Скользнув стопой по полу, он вновь подтянул правую ногу к левой, переместился в сторону, продолжая движение, повернулся, ставя оружием восходящий блок. Оттолкнулся и прыгнул, поджимая ноги и разворачиваясь, взмахнув мечом над головой.

С каждым движением слышался хруст и взметались снежинки. Впрочем, Гело их не видел.

Когда он открыл глаза, вокруг лежало семь фигур. Воины, точные копии аркмастера, но ледяные. Высокие и широкоплечие, с одинаковыми щитами и мечами. Один без головы, второй рассеченный надвое в поясице, третий с перерубленными ногами, четвертый, пятый, шестой и седьмой... в тех местах, куда Гело нанес удары, голубой лед побелел и раскрошился.

Дыхание чара лишь слегка участилось. Он покосился на свое плечо и нахмурился. Кто-то все же дотянулся до него, от тонкого разреза по коже ползла капля крови, казавшаяся густой и черной в бело-голубом освещении.

Сталактиты со свода исчезли. Пройдет семь дней, пока нарастут новые, и тогда можно будет попробовать другое упражнение.

Звуки хлопков прозвучали неуместно: слишком резко и отрывисто для этого зала. Гело поднял халат, накинул его на плечи. У входа, привалившись к стене, стоял закутанный в шубу человек. На длинных белых усах поблескивал образовавшийся от дыхания иней.

– Хуго...

Человек перестал хлопать, провел ладонью по блестящему бритому черепу и произнес:

– Возникли трудности, аркмастер.

Гело Бесон высоко поднял меч и с размаху всадил острие в пол. Просунув руки в рукава, он направился к выходу, затягивая пояс халата. Проходя мимо Хуго, бросил:

– Говори.

– Девушка, аркмастер. Все дело в молодой девушке. Вашей невесте.

Хуго отвалился от стены и затопал следом.

– Так что? – произнес Гело, не оборачиваясь.

– Она пропала.

Уже полностью одетый, аркмастер цеха холодной магии вышел во двор Наледи, к конюшням. Среди обычных коней здесь стояло несколько скакунов из тех, что обитали на севере, где прошла юность Гело.

Он остановился, привыкая к тусклому освещению. Морды скакунов виднелись над загородками. Когда-то давно, впервые появившись в Форте, Гело ужаснулся жестокому отношению к лошадям. Всего, что облегчало им жизнь: нагрудников для закрепления подпруги и седла, мягких подседельников – всего этого в Форте не существовало. Во всяком случае, пока сюда из Бриты не приехал Гело Бесон.

На стене висели уздечки, сбоку от стойла было бревно, на котором лежало седло со стременами и подпругой. Ни плетей, ни хакамор, ни мундштуков. Гело не носил на сапогах шпор.

Аркмастер встал перед могучим животным, чья пышная грива отливала голубым цветом. Конь фыркнул, выпустив из ноздрей струи пара. Гело провел ладонью по гриве и открыл загородку.

Он не доверял каретам, да и паланкины недолюбливал. Этот способ передвижения годится для стариков, барышень или жирных торговцев – но не для воинов. Вот конь – другое дело. Хотя, чтобы достичь места, куда он направлялся, нужно пересечь всю Форту, от северного склона до южного. Улицы на вершине широки и удобны, но кривые узкие переулки нижних кварталов плохо годились для верховой езды. Дома бедняков слишком тесны, и люди, не занятые на постоянной работе где-нибудь в другом месте, предпочитали проводить дневные часы снаружи, – кузнецы и старьевщики, цирюльники и костоправы, менялы, нищие, воры и забулдыги. Еще здесь хватало ослов и валяющихся в лужах свиней. Грязи тоже немало, как и помоев в канавах.

С собой Гело Бесон взял Хуго Чаттана, но не потому, что страшился кого-то и нуждался в охране. Гело не желал входить в дом человека, к которому направлялся. Ему лишь однажды довелось побывать там, и воспоминания остались самые неприятные. Хуго ехал молча и хмурился – ему запретили брать с собой оружие.

Когда стало теплее, Бесон почувствовал себя неудобно. Из-под широкой ладони он взглянул на дом, являвший собою полную противоположность того, в котором обитал аркмастер холодного цеха. Вместо плавных извилистых линий – прямые и острые углы, вместо голубого и белого – ярко-желтый и красный.

Вместо холода – жара.

Уже на большом расстоянии от Солнечного Ока становилось тепло, а Гело Бесона на жаре пробирал болезненный озноб. Особенно теперь, когда правое запястье украшал браслет со Слезой.

Подъехав к высокой ограде, чар остановился и приказал:

– Вызови его сюда.

– Но захочет ли он, хозяин? Может быть...

– Я не войду внутрь, – перебил Гело. – Скажи, мы без оружия. Пусть идет сюда.

Хуго кивнул и спешился. Переговорив с двумя стражниками у позолоченных ворот, он шагнул внутрь и исчез из вида. Гело ждал. Здание за оградой слепило глаза – чар старался не смотреть туда.

Дверь в воротах раскрылась, вышли Хуго, шестеро охранников, между ними – коренастый рыжеволосый коротышка, облаченный в оранжевые одежды. Стражники обступили его, настороженно глядя по сторонам. У каждого была кривая сабля.

Появился всадник с тяжелым луком. Скорее всего, старшина охраны. Гело сощурился, разглядывая его. Создавалось впечатление, что старшина – поклонник всего массивного и громоздкого. Нагрудник, шлем, даже оружие в его руках – все очень большое. Гело взглядом знатока определил: хороший и дорогой лук из нескольких сортов древесины. Каркас – широкий плоский хлыст, сжатый двумя слоями гибкого дерева, все это наверняка пропитано клеем, добытым из неба редкой рыбы, обмотано сухожилиями, покрыто лаком от влаги, усилено роговыми накладками. Тетива из бычьей жилы. Такое оружие, как правило, небольшое. Боевые качества все равно куда лучше, чем у обычной согнутой в дугу деревянной палки, концы которой соединены натянутым растительным волокном. Но лук всадника был здоровенным, как и стрела в нем.

А пегая лошадка – низкорослая и, кажется, очень послушная. Старшина ткнул в ее бока устрашающего вида шпорами. Длинные штыри заканчивались металлическими репейниками. При таком вооружении и доспехе старшине надо было бы выехать на огромном бугае, а не на этой изящной красавице. Ко всему прочему на поясе всадника висела тяжелая плеть-кистень.

Он окинул Гело надменным взором и развернул лошадь, чтобы видеть улицу. Не очень-то вежливо – в результате он очутился к аркмастеру спиной. Гело безразлична была вежливость, он смотрел на лошадь. И на шпоры. Репейники в них крепились подвижно, чтобы при ударе в бока впивалось сразу несколько зубцов.

Облаченный в оранжевые одежды рыжий коротышка приблизился, и Слеза на запястье аркмастера полыхнула холодом. Гело Бесон остался в тени ограды, Сол Атлеко встал так, чтобы на него светило солнце. Он не рискнул подходить близко.

Таким Гело еще не видел Атлеко. Всего за три дня тот сильно сдал. Он постоянно оглядывался и казался еще более настороженным, чем его охрана. Не просто настороженным – испуганным. Когда за поворотом улицы раздался какой-то громкий звук, Сол вздрогнул.

– Риджи Ана, – произнес Гело и замолчал. Он не любил много говорить, но успел познакомиться с манерой Сола вести беседы и полагал, что тот все скажет сам.

– Да! – коротышка прижал руки к груди. – Эта девочка! Ведь мы хотели примирить нас, наши цеха, пообещали ее тебе. А теперь она пропала, понимаешь, великий чар? Здесь, в городе, она пропала здесь...

– Как?

– Мы не знаем, просто не знаем! Она приехала сюда, это известно точно, ее ждали в доме, в тупике на востоке Круглой улицы, но с тех пор никаких вестей... – он умолк и поморщился, когда стало темнее от набежавшего на солнце облака.

– Ищешь ее?

Сол сделал движение, будто собирался подойти к Гело ближе. Только сейчас тот заметил, что лоб коротышки охвачен тонким золотым обручем, почти точной копией Мира, и в центре его поблескивает Слеза. Она сверкнула, и тут же у Гело возникло ощущение, что из серебряного браслета в его запястье вонзилась тонкая острая сосулька. Сол Атлеко поморщился, коснулся ладонями лба и шагнул назад. Слеза на его лбу погасла.

– Разве ты не знаешь, что шаман Темно-Красный Джудекса собирается убить нас? – он затряс головой. – Сейчас мы даже не смеем надолго выйти из Солнечного Ока. И потому не можем всерьез заняться поисками.

Он замолчал, кусая губы. Гело сосредоточенно глядел вдаль светлыми глазами.

– За Джудексу взялась городская стража, – проворчал наконец он.

– Да, да! Но пока что он жив и на свободе. Почему-то он невзлюбил нас, и мы догадываемся почему. Кто-то пустил слух, что это мы рассказали капитану Гебу о делах Джудексы. Как будто мы что-то знаем про его дела! Несомненно, это козни врагов. Некроса или Октона – кого же еще? Ведь тебе я доверяю, великий чар... Так или иначе, Темно-Красный поклялся убить нас.

Еще некоторое время Гело Бесон размышлял, затем несильно хлопнул по шее коня. Тот сделал два шага и остановился возле всадника с луком.

– Для чего ты сел на эту лошадь? – спросил аркмастер.

Старшина повернул голову, надменный взгляд стал удивленным.

Сол Атлеко, уже подошедший к воротам, остановился и посмотрел на них. Охранники замерли.

– У тебя тяжелый доспех, оружие. Эти шпоры... для чего все это?

Пока Гело говорил, Хуго Чаттан отъехал дальше и встал, наблюдая за происходящим. Старшина теперь выглядел недоумевающим. Он с беспокойством оглядел чара с ног до головы, но не увидел никакого оружия. Сол Атлеко и охранники молчали.

– Это, – Гело указал на морду лошади, – то, что у нее здесь... Ты знаешь, как оно действует? Кольцо сжимает нижнюю челюсть, а шип касается нёба. Ты двигаешь поводом – шип впивается в него. Сколько времени она ходит с подобной раной? Долго не проживет. Там уже началось гниение. Потом перегородка разрушится. Может, еще полгода, от силы год. А шпоры? Они годятся для большого скакуна, а не для этой лошадки. – Гело поднялся на стременах.

Наездник отпрянул, нацеливая стрелу на чара.

Бесон нырнул вбок, свешиваясь с коня. Его рука совершила два коротких движения – вниз, к ступне старшины – и вверх, к его голове. Пегая лошадь всхрапнула.

Стражник заорал, когда его ногу приподняло и дернуло, когда что-то лопнуло... В первое мгновение ему показалось, что сломались кости стопы. Но нет, нога осталась цела.

Стоящие у ворот ничего не поняли. Старшина охнул, тетива сорвалась с пальцев, стрела вонзилась в землю. Отломанная у основания шпора разворотила левую скулу, репейники пробили правую щеку и вышли наружу. Подбородок стражника дернулся книзу в спазме боли, руки взметнулись, он повалился на спину и замер, лежа на лошадином крупе. Животное под ним стояло неподвижно, по его бокам текла кровь с лица старшины.

Гело Бесон высвободил сапог из стремени и пнул всадника. Тот медленно съехал по лошадиному боку и упал на землю. Рот его так и остался широко разинут, кровь заливала лицо.

Аркмастер обмяк, наклонился вперед, лбом почти касаясь шеи своего скакуна. Когда чар вновь хлопнул по ней ладонью, конь тронулся с места. Отъехав немного, Гело, не поворачивая головы и не глядя на Атлеко, пробормотал:

– Да, насчет девушки, Сол. Мы разберемся.

Глава 5

Глаза капитана полицейской стражи Трилиста Геба, маленькие и черные, выделяются на светлом лице, как шляпки гвоздей, вбитых в белую стену. Взгляд этих глаз трудноуловим, часто собеседники не могут понять, куда смотрит капитан, – и это сбивает с толку.

Сейчас глаза смотрят на двухэтажный дом. Трилист Геб распластался в канаве, только голова приподнята над зарослями сорняков.

Дом-башня. Каменный цилиндр с конусом черепичной крыши. Старая глиняная черепица потрескалась от времени, того и гляди посыплется. На первом этаже ни одного окна, на втором – сразу три, хотя сейчас капитан может разглядеть лишь два из них. Оба забраны решетками. Между ними виднеются прямоугольные контуры лоджии, которая когда-то вела внутрь башни, а теперь разрушена и заложена кирпичами.

Капитан Геб упирается в склон канавы локтями и в который раз осматривает окрестности.

Его уже тошнит от этих окрестностей. Раньше лоджия соединяла здание с другой башней, скорее всего – точной копией первой. Когда-то на пустыре между кварталами стоял небольшой заёмок, а теперь даже обломков не видно. Его разрушили в одной из многочисленных гражданских междоусобиц, остатки растащили каменотесы-бедняки.

Расположившийся неподалеку рядовой полицейский стражник Вач косится на Трилиста Геба. Пора начинать: все лежащие в разных местах вокруг пустыря люди давно готовы, только и ждут сигнала. Но начинать не хочется.

Здесь, в канаве, пахнет, мягко говоря, неприятно, а ближе к зданию...

Пустырь этот несколько лет использовали как свалку. Потом в башне поселился шаман Темно-Красный Джудекса. Расчищать он ничего не стал, его такое положение дел, видимо, вполне устраивало.

Может быть, оно ему даже нравилось.

Вот только оно совсем не нравится капитану Гебу – ведь теперь башня стоит посреди небольшого зловонного болота. «Гадская топь» – как справедливо выразился некоторое время назад рядовой стражник Вач. Стражник этот, здоровенный малый поперек себя шире – и ниже долговязого капитана почти на голову, – лежит, кстати, не просто так, а в обнимку с объемистым бревном, у которого один конец отесан. Вач из лесорубов, ему не в новинку иметь дело со всякими бревнами. А еще у Вача на спине есть оружие, и это *такое* оружие... Когда его принимали на службу, Вач показал Гебу, как он владеет своим оружием, после чего в комнате пришлось долго убирать, а также менять часть мебели.

Вообще же полицейских стражников вокруг башни сейчас шесть. Капитан сам планировал захват и расставлял своих людей. Двое – ветераны вроде сержанта Крукола, прослужившие по десять лет. Двое – новички, срок их службы ограничивается парой месяцев. То есть уже не очень-то и новички, обычного салагу Геб сюда бы не взял. Исключение – рядовой Вач, самый что ни на есть новичок. Капитан верно все рассчитал, ведь командир должен учитывать опыт, возраст и нрав подчиненных. Когда Геб даст сигнал, ветераны не ломанутся к башне, но будут действовать осторожно и взвешенно, прикрывая тылы; а новобранцы побегут что есть мочи – и составят передовую линию нападения. И первым должен побежать рядовой стражник Вач.

Через болото к приземистой дубовой двери башни ведет самодельный мосток – то есть как попало уложенные доски. Вокруг грязь, мутная жижа, из которой торчит всякий трудноописуемый мусор. Вот облака в небе расходятся, выглядывает солнышко, окрестности играют красками, сверкают и слепят глаза. Хорошие краски, богатые: глянцевито-рыжие, грязно-серые, тошнотно-коричневые и рвотно-зеленые.

Но и солнышко не радует капитана Трилиста Геба.

Его очень, очень смущает то, что почти целый год, пока шаман жил здесь, проникающие наружу тяжелые испарения впитывались в топь. Всякие отходы алхимического производства Джудекса просто-напросто выплескивал через окна и двери. Те самые, приземистые и дубовые, с которыми вскоре предстоит познакомиться рядовому Вачу и его бревну.

Рядовой шумно вздыхает, сгоняет с шеи назойливое насекомое и угрюмо чешется. «Гадский слепень», – доносится до капитана шепот.

Так вот, отходы. Джудекса – не простой колдун, он дикий шаман, поселившийся в городе. Вообще-то магические цеха должны были сразу изгнать его с позором либо нанять убийц, которые, не говоря худого слова, по-тихому утопили бы Джудексу где-нибудь в болоте вокруг занятой им башни. Конкуренция – великая сила. Но ничего такого не произошло. Во-первых, Темно-Красный и вправду сильный чар, во-вторых, он оказался полезен некоторым богатеям. Магия его сродни той, что практикуют в мертвом цехе. То есть он некромаг. Отходы его опытов, вылитые в болото, могли вызвать непредсказуемые последствия. Собственно, почему могли? Наверняка и вызвали...

Буль! Буль! Буль! Словно в подтверждение невеселых мыслей капитана цепочка крупных пузырей быстро тянется по поверхности, скрывается под мостком, появляется с другой стороны и наконец исчезает за башней. Какое-то непредсказуемое последствие проплыло сейчас там... Поди разбери, живое оно или это просто такая заковыристая алхимическая реакция?

Трилист Геб вновь приподнимается. Далеко слева он различает грустное лицо сержанта Крукола, вопросительно глядящего на своего капитана из кустов. Не обращая внимания на сержанта, Геб вновь ложится брюхом на землю. Куртка и штаны давно в грязи, жижа проникла в сапоги – ногам мокро.

У капитана палаш, Трилист достает его из ножен на правом бедре и кладет перед собой. Хороший палаш, не чета тому барахлу, что выдают полицейской страже. Капитан заказал его оружейникам на свои деньги, и те расстарались, а денег после не взяли. Сам глава цеха, старенький Жерант Коско, уже много лет сидящий в Приорате, скинул дорогой кафтан и нацепил извлеченный из темной кладовой фартук. Палаш торжественно преподнесли капитану – с пожеланиями всяческих успехов в нелегкой службе. Почему бы оружейникам не угодить славному капитану Трилисту Гебу? К тому же не простому капитану, а такому, с которым любому понимающему человеку желательно, так сказать, скрепить себя узами дружбы. Пусть Геб и лежит сейчас в канаве, как простой рядовой...

Навершие на рукояти палаша – в виде женской головки, даже черты лица можно разглядеть, хоть и смутно. Капитан до сих пор не уверен, принадлежит ли это лицо внучке Жеранта, сладкой, как мед, малышке Ларе, с которой Трилист, уже после того как палаш был готов и вручен, позабыв про жену и трех дочерей...

Капитан ерзает, ему стало неудобно лежать на животе. Как ни приятны эти воспоминания, Геб приказывает себе не думать о Ларе. Теперь-то он понимает, что во всем этом был тонкий расчет оружейников и старенький Жерант не зря как бы случайно познакомил их с внучкой. Надо полагать, ради укрепления дружбы, ведь дружба с капитаном Трилистом Гебом не может обернуться ничем, кроме выгоды, – если, конечно, ты честный человек. Что же касается малышки Лары, то у нее пухлые губы сердечком и такие большие...

Капитан мысленно с размаху хлопает себя ладонью по лбу и смотрит на окна башни. Он прекрасно знает, из чего они состоят. Узкие рамы, между ними – решетки, свинцовые ромбы, в которые вставлено лесное стекло. Мутно-молочные, с легкой примесью зеленого куски, сквозь них никак не разглядеть, что внутри. Джудекса там? Или его там нет? Вот в чем вопрос!

Геб не привык медлить. Трилист Геб – он не простой капитан, он глава городской стражи, он зять одного из важных членов Приората, он человек решительный. Хитрый. Даже умный. Его *попросили* – очень вежливо, в свитке, подброшенном три дня назад поздним вечером в его дом, – попросили не связываться с Джудексой. «Не верьте слухам, распространяемым завистниками и врагами Форы, достославный капитан, ведь шаман – ученый, его изыскания идут на благо нашему городу». Но Трилист Геб чихать хотел на вежливые анонимные письма. Иногда в его груди становится горячо, а глаза темнеют больше обычного, и тогда все, кто хорошо знает капитана, предпочитают не перечить ему. В такие моменты он плюет на Приорат, на цеха, на богатых торговцев и великих чаров. Он работает не за монеты – у него есть принципы. За его плечами двенадцать убитых преступников, двадцать осужденных на казнь, с полсотни – на каторгу, он самолично отсек голову Одноглазой Джаконде... Трилист Геб *не боится никого*. Но сейчас он медлит, сам не зная почему. Ну, если разобраться, то, видимо, потому, что ему ох как не хочется покидать вонючую канаву и вступать на мосток, ведущий через еще более вонючую топь к башенке шамана и некромага, пришедшего из диких восточных земель, ученого, тайно взятого под покровительство кем-то в Приорате и, скорее всего, в самом Остроге-На-Костях, печально знаменитого в городе Темно-Красного Джудексы...

Убийцы детей.

Когда Геб вспоминает об этом, в груди его становится горячо, а глаза не то что темнеют – чернеют. И тогда капитан полицейской стражи Трилист Геб сквозь зубы говорит рядовому стражнику Вачу: «Давай», подносит к губам висящую на шее деревянную дуду, поднимается на колени и дудит – дудит что есть мочи!

Ботинки загрохотали по мосткам.

Вач бежал, пригнувшись, удерживая бревно на правом плече. Отесанный конец был направлен вперед. Доски ходили ходуном, несколько раз рядовой ступил в топь, но при его скорости это уже не имело значения. Когда Вач достиг середины мостка, капитан вскочил и побежал следом. Новобранцы уже неслись во всю прыть, размахивая палашами, ветераны трусили сзади, прикрывая тылы. Как обычно.

Капитан столкнулся взглядом с бегущим последним сержантом Круколом, и тот, смутившись, наподдал.

Началась топь. Вонь ударила в нос, будто кулак. Трилист разинул рот. Под ногами тряслись доски, из щелей между ними прыскала жижа. Обугленные пни, горы пропитанных влажной щепок, дырявые ведра... Ему показалось или между ними действительно торчит рука, полусгнившее мясо на костях? Капитан не стал всматриваться.

Один из новобранцев поскользнулся. Он бежал по участку твердой земли, далеко вдающемуся в топь. Сужаясь, тот превращался в извилистую возвышенность, которая тянулась кривыми зигзагами почти до цоколя башни. Лысый Боджа бежал по этим зигзагам, когда на поверхности жижи возникла цепочка пузырей. Тут как раз облака опять разошлись, солнечные лучи упали на топь, превратив ее в буйство редкостных цветов. Видимо, рядовой Боджа испугался пузырей, да еще и на мгновение ослеп, – во всяком случае, он оступился и полетел в болото.

– Держись! – завопил топающий следом сержант Крукол и бросился на выручку, но не успел. Рядовой упал на живот, топь вяло и как-то неубедительно плеснулась. Мгновение капитан хорошо видел эту картину: Боджа лежит, раскинув руки и ноги, тело на поверхности, словно под ним не болото, а деревянный пол, лысина сверкает на солнце, лицо обращено к капитану и выражает сразу несколько чувств – испуг, удивление, мольбу о помощи, отвращение. Цепочка крупных пузырей подобралась вплотную к Бодже – и не стало рядового.

То есть он просто исчез: в один момент, без всякого звука Боджа целиком, от подошв казенных ботинок до бритой макушки, погрузился в топь. И в тот же миг стало темнее – облака, будто опуская занавес, вновь скрыли солнце.

А через мгновение рядовой Вач всадил отесанный конец бревна в двери.

Он успел набрать скорость телеги, катящейся по склону крутого холма. Сорванная с петель дверь канула в темное нутро башни не менее быстро, чем рядовой Боджа – в болото. Фигура Вача исчезла следом. Мгновение тишины – и разразилась канонада звуков. Лязг, скрип, грохот. Рев, хруст, проклятья. Снова лязг, быстро стихнувший. И приглушенный, на грани слышимости, плеск. Странный плеск.

Разгоряченный рядовой стражник Саварзар – новобранец – влетел в башню следом за Вачем. Потом внутри оказался капитан Трилист и сразу прыгнул влево. Затем подоспел рядовой Энгибо – ветеран – и, оглядевшись, прыгнул вправо. Наконец в дверях появился сержант Крукол. Он считал, что за свою жизнь успел напрыгаться вдосталь. Сержант просто ушел со света, прижимаясь спиной к стене и выставив перед собой арбалет. Этот арбалет он унес из берлоги Одноглазой Джаконды, оружие – настоящий монстр – было великолепно, сержант гордился им.

Крукол разглядел высокий потолок, каменные стены и пол. Вдоль стен полки. На другом конце зала – лестница наверх. Еще – очаг, стол, лавки. Посередине комнаты – колодец, на полу рядом ведро и длинная цепь. Возле колодца, задом к сержанту, на четвереньках стоял Вач, мотал головой и мычал.

Позади Вача рядовой новобранец Саварзар размахивал оружием, полосуюя воздух. Может, сержант и ошибался, но у него сложилось впечатление, что Саварзар делает это с закрытыми глазами. Да, но где же остальные двое? А, вот и они – капитан Геб прятался за столом слева, а рядовой-ветеран Энгибо за перевернутой лавкой справа.

Стражник покосился на своего капитана, тот кивнул, приподнимаясь. Крукол сделал то, на что человек способен лишь после продолжительной службы на посту сержанта – он *тихо рявкнул*:

– Рядовой Саварзар, отставить!

Рядовой перестал махать палашиком, открыл глаза и огляделся, видимо, выискивая на полу разрубленного в куски шамана.

С того самого мгновения, когда сержант появился здесь, арбалет в его руках был направлен в сторону лестничного проема, вне зависимости от того, куда Крукол при этом смотрел, стоял ли на месте или двигался.

– Саварзар, твою мать, – начал сержант отечески. – Рядовой Вач проломил дверь, за что мы все ему благодарны, и наверху башкой о колодец. С него спросу меньше. Но ты, рядовой? Объясни мне, зачем ты, войдя в комнату, где, возможно, находится враг, торчишь посреди этой комнаты, да еще и на свету от двери, и рубишь свою тень?

Саварзар оглянулся на капитана, на третьего рядового и развел руками, будто и сам удивляясь, зачем он так.

Вач, одной рукой держась за край колодца, а второй за лоб, выпрямился.

Запах в помещении стоял еще более мерзкий, чем снаружи. Капитан и рядовой Энгибо, выставив перед собой палаши, с двух сторон двинулись вдоль стены к лестнице на противоположном конце комнаты. Рядовой Вач улегся животом на край колодца и свесился вниз, пытаясь высмотреть что-то в глубине.

– А где таран? – тихо спросил сержант.

Рядовой Вач ткнул пальцем в колодец.

– Упустил, да?

Рядовой Вач мрачно кивнул.

– Меч, меч свой достань, – приказал сержант все так же тихо.

Вач недоуменно застыл, и сержант, вспомнив, поправился:

– Тогда... другое оружие.

Рядовой завел руки за спину и вытащил топор, который весил, наверное, примерно столько же, сколько сержант Крукол. Причем это был не боевой топор. Насколько сержант знал, капитану Трилисту пришлось лично испрашивать в Приорате разрешение, чтобы полицейскому стражнику позволили носить подобное оружие на службе. Очень большая поблажка со стороны капитана, Крукол тогда даже удивился.

Капитан и Энгибо, прижимаясь к стене, остановились по сторонам от лестничного проема. С сожалением поглядывая на колодец, Вач потопал к ним, сжимая топор одной рукой. Сержант посмотрел на капитана, тот отрицательно качнул головой и глазами показал на Саварзара.

– Рядовой Вач, отставить, – прошептал Крукол. – Рядовой Саварзар, проверь лестницу.

Саварзар обрадованно кивнул и пошел выполнять приказ.

– Только, Саварзар, осторожно! – напутствовал его сержант.

Трилист и Энгибо наблюдали за тем, как Саварзар, выставив палаш, прошел между ними. Когда он преодолел несколько ступенек, они медленно двинулись следом. Крукол пересек помещение и поравнялся с Вачем. Ощетинившись оружием, стражники начали подниматься. Лестница была винтовая, Саварзар уже скрылся за поворотом. Сверху доносилось поскрипывание ступеней.

Когда они достигли середины лестницы, скрип стих. Сержант цыкнул, привлекая внимание Саварзара, но тот, видимо, не услышал.

– Рядовой... – начал сержант, и тут сверху стукнула дверь.

– Я же приказывал только лестницу... – застонал Крукол. Его прервал крик. Вач метнулся вверх, ступени под ним застонали.

Капитан и Энгибо оказались на втором этаже одновременно, сержант бежал следом. В распахнутой двери виднелись свисающие на цепях с потолка крюки, силуэт Вача, стоявшего посреди комнаты с топором наперевес. А еще – дергающиеся ноги того, кто лежал слева.

Возраст и рост у рядового Энгибо были примерно как у Крукола, но физически он скорее напоминал Трилиста – сухопарый и жилистый. Сейчас рядом с ним находились только капитан и сержант, а потому он, вздохнув, пригнулся и прыгнул в комнату. Громко хрустя суставами, рядовой перекатился и встал на одно колено рядом с Вачем, низко опустив голову, чтобы тот случайно не зацепил его топором. Оба рядовых через плечо посмотрели назад, на дергающиеся ноги.

Крик все еще звучал.

Сержант и капитан шагнули вперед.

Над дверями было несложное приспособление: веревка, блок, крюк. На веревке, перевернутое теперь кверху дном, висело серебряное ведро.

Его содержимое вылилось на голову рядового Саварзара. Голова дымилась. Ногтями Саварзар пытался разодрать лицо, хотя раздирать уже было нечего – сплошная каша. Тело рядового выгнулось, ноги дернулись особенно сильно. Подняв арбалет, Крукол шагнул к Саварзару, и тут рядовой затих.

Трилист Геб произнес:

– Азотистая кислота.

– Чаво? – спросил Вач.

– Убери топор, – проворчал Энгибо, поднимаясь с колен.

Сержант опустил арбалет и поглядел на капитана. Лицо Геба было таким напряженным, что казалось, кожа на выступающих скулах вот-вот лопнет. Большой хрящеватый нос покраснел, а глаза стали черными.

– Для чего она? – спросил сержант.

– Металлы травить, – пояснил Геб. – Только серебро она не берет.

Сержант переступил с ноги на ногу. Теперь этой штукой потравили голову рядового Саварзара, новичка, которому уже не суждено стать ветераном.

– Одного не пойму, – подал голос Энгибо. – Он вошел внутрь, так? Наши ведь караулили. Он не выходил, мы бы заметили. Тогда где он?

Вот это и волновало капитана Геба. Оглядывая ряды полок, причудливые сосуды, мерные колбы, реторты, Трилист медленно пошел вдоль стены. Проверил окна, постучал по стене. Рядовой Энгибо и сержант Крукол смотрели на него, рядовой Вач, убрав топор за спину, пялился на стену перед собой. Над головами тихо покачивались крюки.

Рядовой Саварзар никуда не смотрел – даже если бы он еще оставался жив, глаза его начисто съела кислота. Джудекса поставил ловушку – значит, несмотря на все их ухищрения, шаман знал, что за башней следят. Темно-Красному сообщили, что капитан Геб не внял вежливым предостережениям. Шаман скрылся. Но как? Как он покинул башню?

Какое-то воспоминание терзало капитана. Возможно, оно было связано с исчезновением шамана, возможно, нет.

– Эта... – произнес Вач.

Капитан и сержант повернулись к нему.

Вач поскреб затылок.

– Я там... – он замолчал.

– Ну? – ласково спросил сержант.

– Колодец.

«Всплеск... – вспомнил Трилист Геб. – Когда Вач оказался внутри и, не успев остановиться, вмазался в колодец, упустил туда таран...»

– Так проверь его! – гаркнул сержант.

Вач тупо переспросил:

– Проверить?

– Рядовой Вач, марш вниз! – скомандовал Крукол. – Внимательно изучить колодец снаружи и изнутри! Бегом!!!

Лицо Вача стало осмысленнее, он бросился к двери. По ступеням прогрохотали каблуки. Недолгая тишина – и раздались звуки ударов. Капитан и сержант переглянулись. Крукол сказал:

– Энгибо, иди-ка за ним.

Удары смолкли вскоре после того, как второй рядовой покинул комнату. Донеслось звяканье цепи, плеск – странный плеск, – аханье и вновь удары.

– Что теперь? – спросил Крукол.

Капитан потрогал стоявшую у окна метлу из можжевельника и повернулся к столу. Вычурные песочные часы его не заинтересовали, но вот тигель пятиугольной формы привлек внимание. На тигле стояла железная миска. Геб заглянул – в ней дрожало несколько капель ртути. Еще здесь был горшок с землей, усыпанной красным порошком, а за горшком – маленький череп. И раскрытый каменный флакон с широким горлом, наполненный густой темной массой. Трилист понюхал ее – пахло сосной. Подумав, он закрыл флакон крышкой и сунул в карман.

Подняв взгляд от стола, Геб увидел гобелен с изображением двух деревьев. На одном росли плоды в виде луны, на втором в виде солнца. Капитан обошел стол и склонился над еле заметным, свободным от пыли квадратом на полу. Трилист попытался сообразить, что стояло здесь раньше, и тут удары внизу смолкли.

Капитан вышел из комнаты, сержант поспешил за ним – оставаться здесь одному было страшно.

Рядовой Энгибо, опустившись на четвереньки, головой в угол, блевал. Та часть колодца, что раньше возвышалась над полом, превратилась в обломки, по щиколотки в них стоял довольный Вач с топором наперевес. Чуть в стороне было ведро на цепи, которое то ли Вач, то ли Энгибо опустили в колодец, а после достали.

– Дыра, – буркнул Вач, глядя на Геба. – Тамось дыра.

Хрустя каменным крошевом, сержант подошел ближе. Оказалось, что колодец не очень-то и глубокий. Внизу что-то темное, от него поднимался смрад. По каменной кладке тянулись железные скобы и заканчивались возле узкого лаза.

Дыша ртом, Крукол вернулся к капитану. Геб, морщась, стоял над ведром. Сержант глянул и побыстрее отошел. Ведро наполняла не вода, а кровь и останки тех, из кого она вытекла.

– А почему, ты думаешь, его называют Темно-Красным... – пробормотал капитан.

Продолжая пятиться, Крукол достиг лавки под стеной и плюхнулся на нее. Рядовой Энгибо наконец выпрямился, отирая рот тыльной стороной ладони. Лицо его позеленело.

– Я не понимаю, – признался сержант. – То есть ясно, он удрал через колодец, но...

Трилист Геб покачивался с пяток на носки и обратно. Сапоги поскрипывали.

– Он некромаг, – сказал Геб. – Может, и не связанный с цехом, но все равно. Кто в городе лучший некромаг? Я собираюсь нанести визит в Острог. Прямо сейчас. Энгибо, приведи лошадей. Потом иди домой. Вач, ты со мной.

– Слушаюсь! – рядовой Вач убрал топор за спину и пошел к дверям. Камешки под подошвами захрустели так, что все поморщились.

– Крукол... – Трилист чуть склонил голову, извиняясь. – Ты тоже с нами.

Сержант грустно кивнул.

Глава 6

Три молотка ударяли по зубилам так звонко, что у Архивариуса подрагивал подбородок. Будь у старика зубы, они бы, наверное, тихо лязгали, но из-за возраста никаких зубов не осталось.

Гноморобы подошли к делу с обычной для них тщательностью. При этом они спешили, и работа шла быстро.

Юный Гарбуш, руководивший небольшой бригадой, которую добрый мастер Бьёрик прислал в пирамиду по просьбе Доктуса Савара, первым закончив работу, заглянул в узкое отверстие. Как раз то что надо...

Юный Кепер и малец Дикси еще трудились. На полу у ног Гарбуша лежали зарядные сосиски. Это словосочетание было придумано недавно. Набитые горячим песком кишки толщиной в два пальца и вправду напоминали дешевые сосиски, к тому же заплесневевшие. Замечательное изобретение... Хотя можно взорваться вместе с зарядом. Юный Гарбуш, участвовавший во всех опытах доброго мастера Бьёрика, знал, что горячий песок вспыхивает мгновенно. Значит, при поджигании желательно находиться подальше. То, чем они пользовались в мастерских – кремни, кресала, трут, – здесь не годилось. Трут карлы делали из пакли, мха или растущих на деревьях грибов. Их резали на тонкие полосы, сушили и вымачивали в овечьей моче, снова сушили. Трут не получалось сделать длинным, а тлел он быстро.

Юный гномороб с добрым мастером долго думали, и в результате появилась штукавина под названием зарядная веревка – или гибкий фитиль. Гарбуш и Бьёрик изготовили ее, используя горячий песок, хлопчатые нити и мучной клей.

Теперь конец фитиля был пропущен сквозь сосиску и погружен в горячий песок. Гарбуш гордился собой. Он придумал нечто новое, не существовавшее раньше, а ведь именно изобретательство и являлось, по его мнению, тем, ради чего стоило жить.

Происходящее в подземных мастерских, как правило, казалось скучным. Зачастую все сводилось к тяжелой монотонной работе, а Гарбуш хотел иного. Только изобретать, и пусть другие воплощают в жизнь придуманное им. И еще он полагал, что ему не хватает впечатлений. Свежие впечатления вызовут к жизни интересные переживания и мысли, а те, в свою очередь, станут толчком к изобретению чего-то нового. Все, что он знал до сих пор: мастерские гноморобов, жар печей да стук молотков.

Хотя в последнее время появилось кое-что еще.

Гарбуш поднял сосиску и вставил в отверстие так, чтобы веревка оставалась снаружи.

Юный Кепер и малец Дикси закончили. Дикси, как младшему, досталась самая творческая работа: в отличие от напарников он долбил не стены, а потолок и потому был вынужден балансировать, стоя на пустой бочке.

Гарбуш отошел назад, покосился на Архивариуса. Старикан молча наблюдал за работниками, иногда принимаясь жевать губы беззубыми деснами. Он стоял на верхних ступенях лестницы, гноморобы находились внизу.

В пирамиде Гарбуш чувствовал себя неудобно, несмотря на то что привык к замкнутому пространству. Нормальная глухая пещера с застоявшимся воздухом, гулкое эхо, каменный свод – все это куда естественнее всяких там бескрайних лугов и уходящих к горизонту равнин. Далекий горизонт – ну что в нем хорошего? Нижние надземные этажи Горы Мира вполне могли сойти за цивилизованную пещеру – вокруг сплошной камень, разве что отесанный, – но гноморобу все равно не нравилось здесь. Причиной был ветер, который дул в архивных помещениях.

Тех, где хранились свитки.

– Я готов, – сказал юный Кепер.

– И я, – заявил малец Дикси, слезая с бочки. – Почему бы их не спрятать в другом месте? Не вижу в этом логики... – Дикси обучался в организованной Доктусом для молодых гноморобов школе и, видимо, узнав новое слово, решил блеснуть им. – Все одно те, кому надо, знают, что свитки в пирамиде. И искать будут здесь. Их надо вывезти и спрятать в другом месте.

По-своему Дикси был прав, но он не учел одного. В архиве *сквозило* и стоял странный запах, который не ощущался носом, но удивительным образом покалывал мозг.

– Глуп ты еще, Дикси, – произнес Гарбуш, невольно подражая тому снисходительному тону, которым добрый мастер Бьёрик обычно обращался к самому Гарбушу. – Это же не просто свитки. Вот возьми горячий песок. Он пахнет, правильно? Вот так и свитки – они тоже пахнут. Пахнут магией. А такой сильный дух, как здесь, любой чар учует. Их не спрятать, можно только перекрыть к ним проход.

Дикси и Кепер недоверчиво смотрели на него. Как Гарбуш и подозревал, они ничего не чувствовали.

Он погладил бороду, вернее, то, что называл бородой, хоть и осознавал в душе, что жалкую поросль на подбородке назвать так пока еще нельзя. Вставил оставшиеся взрывные сосиски в два отверстия, свободные концы веревок завязал узлом. Узел этот повис на высоте груди, веревки от него протянулись вверх, влево и вправо.

– Уберите бочку.

Дикси, даром что малец, не стал катить ее по ступеням, а обхватил, поднатужился, крикнул и поднял. Он начал взбираться по лестнице, медленно переставляя согнутые ноги и покачиваясь. От пальцев до колена его левая нога была толще другой, казалось, под штанину обут сапог, сверху замотанный тряпками. Редкая гноморобская болезнь, при которой кожа сначала становилась мягкой и распухала, а после затвердевала, будто кость. «Костяная нога» стучала по ступеням, как чугунная.

Архивариус посторонился, пропуская Дикси к двери на верхней площадке.

Старикан говорил мало. С самого начала он объяснил гноморобам задачу, после чего лишь наблюдал, жуя губы. По мнению Гарбуша, Архивариус рисковал вскоре превратить их в тряпочки.

Жаль, они не увидели верховного чара, Владыку Октона. Гарбушу было бы любопытно взглянуть на него, но Октон так и не появился.

Кресало чиркнуло, искры упали на узел, от него поднялся дымок. Волокна начали прогорать. Стоящие на верхней ступени Дикси и Архивариус с интересом наблюдали за происходящим. Узел сгорел, веревки распались; та, что вела к потолку, повисла, чуть покачиваясь, две остальные упали вдоль стен. Синие огоньки побежали по ним. Кепер с Гарбушем смотрели, поднимая головы вслед за огоньками, затем глянули друг на друга, развернулись и бросились вверх по лестнице.

– Назад! – проорал Гарбуш, запрыгивая на последнюю ступень.

Он ввалился в проем следом за Дикси, развернувшись, ухватил Кепера, втянул внутрь и захлопнул дверь.

Три взрыва слились в один, пол затрясся.

Спустя некоторое время гномороб осторожно выглянул. Мельчайшие крошки камня пыльным облаком наполняли пространство над лестницей. Завал перегородил коридор и скрыл нижние ступени.

– Хорошо, – произнес юный Кепер.

– Да, славная работа, – согласился малец Дикси.

Гарбуш прикрыл дверь и взглянул на старика. Жуя губы, тот качал головой.

– Что-то не так? – спросил Гарбуш.

Архивариус долго молчал и наконец произнес:

– Камень частично препятствует магическим гармоникам. Теперь они станут накапливаться в архиве и... – Подумав, он добавил: – Но перекрыть проход все равно было необходимо.

Гарбуш кивнул. Кепер с Дикси просто выполняли работу, не задумываясь над причинами. Но пытливый ум юного Гарбуша желал найти объяснение происходящему.

Дикси довольно резво переваливался на своей ноге, но все-таки не мог идти так же быстро, как остальные двое. Приходилось приноравливаться к нему, и по дороге к кварталу гноморобов у юного Гарбуша оставалось время на раздумья.

Происходящее за пределами мастерских не всегда было ясно, хотя кое-что он понимал. Завал, который они устроили, отрезал проход к нижним комнатам архива. Наверняка это как-то связано с интригами чаров. В Универсале хозяйничал Октон Маджигасси, и Гарбуш не сомневался, что именно Владыка и попросил Доктуса прислать подрывников. Владыка решил перекрыть вход в библиотеку... Почему? Он опасается какого-то другого чара?

Додумать до конца Гарбушу помешало собрание, которое, как оказалось, происходило в большой мастерской все то время, пока они возились в Горе Мира. Когда они вошли, в пещере царил гул голосов. Доктус Савар сидел на табурете, стоящий рядом Бьёрик что-то говорил. Толпа гноморобов взволнованно шумела. На глазах у вновь прибывших несколько юных карл отделились от нее и подошли к доброму мастеру.

Кепер и Дикси с любопытством закрутили головами. Гарбуш протиснулся мимо погашенной печи, ухватил за локоть какого-то гномороба и спросил:

– Что происходит?

– Скоро спускаем малый ковчег, – откликнулся тот.

– Это я знаю. Ну и что?

– Великий чар просит, чтобы добровольцы отправились в путешествие. В экспедицию.

– Но ведь ковчег еще не испытан...

– Добрый мастер Бьёрик сказал: вот и испытаем.

– Он тоже летит? – удивился Гарбуш.

– Ага. Он первый вызвался. Великий чар сначала поговорил с ним, потом добрый мастер произнес речь.

Еще двое гноморобов вышли из толпы и приблизились к Бьёрику.

– А куда лететь-то? – пискнул малец Дикси, протискиваясь ближе.

Гномороб пожал плечами.

– Не знаю. Далеко.

– Далеко? – Гарбуш взглянул на Дикси и Кепера. Последний как раз подошел к ним.

Юный Гарбуш, улыбнувшись, заспешил к Бьёрику.

И наткнулся на взгляд своего отца.

Добрый мастер Лейфа насупился так, что брови сошлись над переносицей. Он покачал головой, но Гарбуш сделал вид, что не заметил.

Когда он, а следом и Кепер с Дикси встали возле Бьёрика, толпа вновь зашумела. Среди юных гноморобов Гарбуш пользовался авторитетом. Сразу несколько карл шагнули вперед, и тут Доктус Савар поднялся с табурета.

– Хватит, – произнес он. – Этого вполне достаточно для команды. Я благодарю вас всех. И... – Грустно оглядев толпу перед собой, аркмастер склонил голову. – И – простите.

Покинув мастерские, Гарбуш заспешил по улице, ведущей вниз, к самым бедным кварталам.

Пока что никто так и не сказал, куда направится ковчег. Доктус, явно мучившийся оттого, что вынужден просить часть гноморобов принять участие в экспедиции, сообщил только, что соберет тех, кто полетит, немного позже и тогда все объяснит.

Когда Гарбуш добрался до места, начало темнеть.

Стоявший в конце улицы дом примыкал к руинам. Задней стеной ему служил участок древней каменной ограды, на которую опирался край кровли. Тусклый свет горел в единственном окне. Гарбуш заглянул в приоткрытую дверь.

Дом состоял лишь из двух помещений, спальни и кухни. Никакого фундамента, пол земляной, все закопчено дымом из низкого очага. Дымохода тоже нет, его заменяли щели между бревнами. Вместо кухонного шкафа – ниша в стене. Не решаясь войти, Гарбуш покашлял.

На середине комнаты стоял стол – широкие доски на козлах. Семь или восемь голов повернулись к двери, и детский голос произнес:

– Это карла.

Отец семейства, седой и сутулый, хмуро произнес:

– Гарбуш? Входи и садись.

– Нет, спасибо, – откликнулся гномороб, открывая дверь пошире.

Он втянул носом воздух, с удивлением чувствуя запах чего-то мясного. В обычный будний день бедняки ужинали не только капустой с хлебом! Интересно, откуда они взяли...

Самое прекрасное создание на свете шагнуло к нему из двери.

В кухне младшие братья этого создания с любопытством наблюдали за происходящим, пока мать не шикнула на них.

Иёпи спросила:

– Ты вправду не голоден?

Гарбуш мотнул головой, засопел и попятился, выходя из полосы тусклого света, льющегося сквозь дверной проем.

– Не сопи, – сказала Ипи, улыбаясь. – Когда ты сопишь, то становишься похож на какого-то лесного зверька.

На ней было длинное платье из грубого темно-синего драпа, на голове – накрахмаленная полотняная повязка.

– А коса? – спросил Гарбуш. – Где твоя коса?

Они прошли мимо окна. Стекло в нем заменяло пропитанное терпентином полотно, почти не пропускавшее света.

Ипи смутилась. Потупившись, она неловко провела рукой по затылку.

– Я же и отращивала волосы, чтобы...

– Чтобы что?

– Ну, мы их продали. Из них делают такие... забыла, как это называется. В общем, вроде таких накладных волос.

– Ты продала свою косу?! – возмутился Гарбуш.

– Тише, а то услышат...

– Ты же знаешь, как она мне нравилась! – укорил он.

И потом ему стало стыдно. Очень стыдно. До гномороба дошло, каким образом на столе появилось мясо.

Ипи моргнула. Гарбуш только раз видел ее плачущей, еще в самом начале знакомства, когда умер один из ее младших братьев. Воспоминания остались самые тягостные. Сейчас повод был куда менее трагичным, но девушка отличалась повышенной чувствительностью. Юный гномороб ухватил Ипи за маленькую ручку и попятился в темноту.

– Но и так ты все равно красивая, – зашептал Гарбуш, мучительно пытаясь подобрать нужные слова. Он никогда не умел делать девушкам комплименты. – Да, пожалуй, так ты мне даже больше нравишься. Но вообще-то я вот почему пришел. Мне скоро придется надолго отлучиться.

– Отлучиться? Как отлучиться, куда?

– Пока и сам точно не знаю. Я рассказывал про ковчеги, помнишь? Мы почти закончили один. Вот с ним и... отлучимся. Это вроде такого путешествия. Экспедиция.

– А когда вернешься? – растерянно спросила Ипи.

– Говорю ж, точно не знаю.

– А если через год? Или через два?

– Нет, что ты! Это не так долго. Ты не думай, я тебе всего не рассказываю не потому, что не доверяю, а потому, что сам всего пока не знаю. И мы же не прямо сейчас отправляемся. Так что я еще приду.

– Но ты точно вернешься?

– Конечно! Как у вас дела?

– Все хорошо. Брат сказал, что, наверное, сможет договориться насчет отца. Ну, чтобы его тоже взяли на службу.

У Ипи была младшая сестра, трое младших братьев и один старший. Они приехали в Фору не так давно, спасаясь от чего-то – Гарбуш не знал, от чего, Ипи не рассказывала. Раньше семья жила где-то возле Гор Манны. Старшему брату удалось устроиться в городскую стражу, мать с Ипи шили, но глава семейства все еще оставался без работы и ходил угрюмый и злой.

– Мне пора, – сказала Ипи. – Отец сердиться начнет. Когда станет известно, куда вы отправляетесь, – ты расскажешь мне?

– Обязательно, – пообещал он.

Она на прощание сжала руку Гарбуша и ушла в дом. Юный гноморб стоял, бездумно глядя на темные руины. Пора было возвращаться: их квартал хорошо охранялся, по вечерам многочисленные привратники запирали все ворота и двери и выражали неудовольствие, когда кто-то из подгулявших юных карл начинал стучаться среди ночи.

Он сделал несколько шагов и остановился возле окна. В одном месте заменяющее стекло полотнище чуть отошло от рамы. Тихо засопев, Гарбуш глянул внутрь. Хозяева мирно ужинали. Вместо лавок они использовали длинные доски на подставках, а глава семьи восседал на накрытом волчьей шкурой сундуке. Только Ипи сидела на сколоченном для нее братьями табурете с очень длинными ножками. Ведь это была семья обычных людей обычного роста, лишь одна из дочерей уродилась карлицей.

Глава 7

Некрос Чермор отлично знал, что Альфар скучает, когда он рассказывает брату свои сны. Но это не мешало описывать их, если снилось что-то необычное. А снилось такое часто.

– Солнце было как кровь, и оно вставало прямо из волн, восходило ввысь по левую руку. Но в то же время оно горело справа – и я не мог понять, отражение это или второе солнце. Горячее небо казалось отлитым из меди, кругом – вода, только вода. Волны пахли гнилью, океан загустел, стал желтым, вязким как масло, и какие-то склизкие твари плыли за судном. Но почему-то самым страшным были реи и канаты. Пересекающиеся на фоне огромного шара солнца, они напоминали тюремную решетку. Как думаешь, сон вещий?

Альфар замахал руками. В левой он сжимал короткую черную плетъ.

– Брат мой, брат мой! Вещий? Это при твоей-то, гм, любви к открытой воде? О чем ты? Тебе в жизни не доводилось плавать на кораблях, и никогда не доведется. А что касается твоих снов... – Альфар пожал плечами. – Лучше скажи, ты думаешь принять этих людей – или пусть себе идут, откуда пришли?

– Нет, следует поговорить. Не стоит портить отношения с самим капитаном, – ответил Некрос.

Альфар кивнул паре застывших у дверей эдзинов, и те вышли.

Братья находились в кабинете под крышей башни Расширенного Зрачка, построенной недалеко от центральных ворот тюрьмы. Здесь на разных этажах располагались покои Черморов. Большинству строений тюрьмы старый Гэри Чермор дал подобные названия: башня Ночного Ужаса, Отчужденная Кузница, беседка Темных Дум, арка Быстрой Смерти... Некрос понимал это так: страхи перед подосланными убийцами не оставили дедушку Гэри и после того, как он навсегда поселился за стенами Острога.

Дремавший под столом пес-демон поднял голову и уставился на троих посетителей. Эдзины, чернокожие и очень похожие друг на друга, встали под стеной. Они, как обычно, были вооружены лишь эстоками, длинными мечами-шпагами с узкими клинками.

Братья Чермору остались сидеть в креслах. Бесцветная личность одного из посетителей, пожилого сержанта, не привлекла внимание Некроса, но двое других представляли интерес. Жирный малый, какой-то рядовой, остановился посреди комнаты. Волосы у него были обриты так, что лишь на макушке оставался правильный круг. Рядовой тупо посмотрел на братьев Черморов, на Тасси, на эдзинов. Некрос с легким удивлением заметил, как те напряглись. Охрана Острога-На-Костях, привезенная дедушкой Гэри с востока, отличалась полнейшей невозмутимостью. Некрос знал, что интерес к окружающему пробуждается в чернокожих только с появлением стоящего противника. Стражник на первый взгляд не вызывал подобного впечатления – невысокий молодой толстяк с заплывшим лицом... Хотя толстые люди способны двигаться быстро. Из-за правого плеча рядового торчала деревянная рукоять, но Чермор не понял, какое именно оружие носит стражник за спиной. Этот человек напоминал дикого лесного кабана – опасного и совершенно бездумного.

Интересно, подумал Чермор, пристально поглядев на третьего из вошедших, где ты нашел себе такого зверя?

Под столом Тасси проворчал что-то угрожающее.

Третий посетитель кивнул, здороваясь, пересек комнату и сел на стул перед креслами. Высокий, с худым лицом, большим носом и ежиком коротких волос. Темные глаза быстро оглядели комнату. Кажется, гость успел заметить, как эдзины отреагировали на толстяка, и слегка удивился их настороженности.

– Подобная стрижка теперь не в моде, – произнес Некрос. – Мой цирюльник к вашим услугам, капитан. Он не возьмет с вас ни монеты.

Трилист Геб провел ладонью по темени и пояснил:

– Это чтобы в драке не схватили за волосы.

Некрос не мог понять, куда смотрит капитан: взгляд темных глазок казался неуловимым. Это немного тревожило. Аркмастер привык, что в разговоре, как правило, беспокоится не он, а его собеседник.

Альфар морщился и недовольно поглядывал на брата. Он все свое время отдавал Острогу и плохо разбирался в жизни города, а потому не понимал, с чего вдруг им надо вести беседы с какими-то стражниками.

– У вас новый рядовой, капитан Геб?

Трилист оглянулся на Вача. Тот исподлобья следил за эдзинами.

– Да, и недавно он вышиб дверь, ведущую в башню Темно-Красного Джудексы.

– Как интересно. Что, вот так прямо взял – и вышиб?

– Бревном, – пояснил Трилист, глядя на аркмастера. – Большим бревном, отесанным с одного конца.

– И что же сказал на это Джудекса?

– Его внутри не оказалось. Мы нашли... В колодце мы нашли кое-что интересное. Останки тех, над которыми Темно-Красный проводил свои опыты. Когда мы уходили, возле башни уже начала собираться толпа. Вы же знаете, было несколько исчезновений... Собственно, много было исчезновений. Люди обвиняют в них Джудексу. Я потому и решил взять шамана как можно быстрее: еще немного – и толпа напала бы на его берлогу.

– Вы поступили мудро, капитан Геб, – одобрил Некрос. – Но все равно опоздали, коль скоро Джудексы в башне не было. Что ж, любопытная история...

Повисла тишина; последние слова чар произнес с таким выражением, что капитану теперь оставалось либо разъяснить наконец цель своего визита, либо уйти. Трилист склонил голову, о чем-то размышляя, и сказал:

– Мне надоело терять время. Собственно, из-за таких вот долгих разговоров я и упустил Джудексу. Надо было не слушать всех этих стариков в Приорате и схватить его давно. Темно-Красный – некромаг. Некромагия шаманов – это не совсем то, чем занимаетесь вы. Это как бы более грубый и грязный вариант мертвой магии. Но среди цехов ваш ближе всех к тому, что практикует Джудекса. Соответственно, есть повод подозревать, что шаман спрятался в Остроге.

Тасси опять зарычал. Альфар громко вдохнул и выпрямился в кресле, возмущенно глядя на Геба. Обвинять в чем-либо аркмастера – неслыханная дерзость со стороны какого-то капитана. Сержант моргнул, эдзины у стены шевельнулись, и тут же толстый рядовой переступил с ноги на ногу. Некрос очень хорошо чувствовал все это: гнев Альфара, страх сержанта и взаимную угрозу, повисшую между эдзинами и толстяком. Но капитан оказался более сложным человеком, определить владеющие им чувства не получалось. Во всяком случае, он не боялся. «Как интересно!» – подумал Некрос.

– А даже если и так? – произнес Альфар, прежде чем старший брат успел открыть рот. – Какое тебе дело до этого? Как ты собираешься поступить? – теперь Альфар почти кричал, костяшки сжимающих плеть пальцев побелели. – Возьмешь своих стражников и нападешь на Острог? Или попросишь стариков из Приората прислать нам приказ выдать Джудексу? Мы...

Он замолчал, когда Некрос поднял руку и укоризненно произнес:

– Капитан всего лишь выполняет свой долг.

Трилист пожал плечами, не принимая дружелюбного тона.

– У многих людей пропали родственники. Дети, братья и сестры. Не только у бедняков – было несколько исчезновений в семьях с достатком. Сейчас мои стражники едва сдерживают толпу, которая хочет разнести башню. Нам еще надо все тщательно осмотреть там.

Но если разойдется слух, что Джудекса укрылся в Остроге? Даже страх перед этим местом не помешает народу с кольями и...

– Народ! – фыркнул Альфар. – Да кого интересует народ?

Геб холодно посмотрел на него.

– Меня интересует.

– Позвольте, капитан, рассказать вам кое-что. Видите этих людей у стены?

Трилист вновь посмотрел на эдзинов. Они напоминали статуи из черного мрамора. Невозмутимые лица с приплюснутыми носами, мощные шеи, длинные мускулистые руки. В правой каждый сжимал рукоять эстока.

– Вижу.

– Они были членами сообщества горцев-убийц, главу которого уничтожил наш дорогой дедушка. Осталась семейная легенда о том, как после смерти Старца Горы много сотен его последователей покончили с собой, прыгнув с крутых обрывов скалы, на вершине которой стоял замок Старца. Но десяток самых приближенных остались жить и поклялись служить Гэри Чермору. Они взяли с собой своих женщин и приехали сюда вслед за дедом. Я рассказываю вам то, что знают немногие. Здесь, в Остроге, есть место, где живут эдзины. Оно называется Башня Мух. Очень интересное место...

– Это та башня, под которой живет ваш кузнец? Я слышал о ней.

– Отлично, отлично. Когда-нибудь вы, возможно, даже побываете там. Эдзины тщательно бреются, чтобы на теле не осталось ни одного волоска. Кроме ресниц. И еще, видите, как блестит кожа? Это масло, чтобы тела были скользкими, так удобнее в бою. Они никогда не произносят ни слова. Не могут, потому что... впрочем, об этом как-нибудь позже. Среди жителей Форы про эдзинов ходят всякие толки. Куда более мрачные, чем слухи о делах Джудексы. Эдзинов называют черными демонами, потомками Духа Кузнеца, выковавшего Мир. Чад подземной кузницы въелся в кожу Кузнеца, потому и кожа его потомков имеет такой цвет... Вы всерьез полагаете, капитан, что толпа решится напасть на Острог?

Капитан Геб сказал:

– Да, если толпу направить. Кроме того, можно вызвать волнение среди пепелян. У них уж точно есть причины ненавидеть Острог. Но мы слишком долго говорим, аркмастер. У меня дела. Сейчас я хочу знать лишь одно: Джудекса прячется в Остроге?

Некрос улыбнулся Трилисту Гебу.

– Нет, капитан Геб, Темного-Красного Джудексы нет в Остроге-На-Костях. Более того, мы не знаем, где он скрывается сейчас. Быть может, чтобы удостовериться, вы желаете осмотреть Острог? Он несколько великоват, за пару дней вам, наверное, удастся проверить наземные постройки, хотя на подземные придется потратить еще дня три...

– Нет, – произнес капитан и встал. – Ваших слов достаточно. Мы уходим.

Кивнув, он направился к двери. Сержант поспешил за ним, жирный стражник затопал следом. Только теперь Некрос увидел, что оружие на его спине – вовсе не оружие. Вернее, не боевой инструмент, а просто топор лесоруба. Очень большой топор.

Тасси, выйдя из-под стола, глядел вслед рядовому. Альфар умоляюще смотрел на брата. Достаточно сделать один жест, и эдзины...

Некрос отрицательно качнул головой. Альфар вздохнул. Дверь открылась, выпуская гостей. Тасси зевнул и вернулся под стол.

– Проводите их до ворот, – приказал младший Чермор эдзинам.

На улице капитан Геб задумчиво спросил у рядового Вача:

– Почему они так смотрели на тебя?

Вач развел руками, явно не понимая, о чем речь.

– Эти, с черной кожей. Эдзины. Они пялились на тебя, а ты пялился на них. И зверь – он на тебя зарычал. Почему?

– Сильные... – пробормотал рядовой. – Умеют драться. Думал – если полезут, кого бить первым.

– Ты понял, что они хорошие бойцы?

– Угу.

– А они? Они же глядели на тебя, как волки на секача. Я и до Некроса слышал про этих людей. Может, они и не испугались, но явно насторожились. Ты уверен, что был простым лесорубом?

– Рядовой Вач! – рявкнул сержант, успевший оправиться от страха, пережитого в присутствии братьев Черморов. – Ты... кабан! А ну отвечай капитану, что ты делал раньше!

Вач окаменел – Трилист уже видел его таким, в самом начале, когда, принимая на службу нового стражника, расспрашивал, чем тот занимался до приезда в город.

– Деревья рубил, – пробормотал Вач.

– И все? Просто лесоруб? Этот круг волос у тебя на голове... Я что-то слышал про людей с подобной стрижкой, но не могу сейчас вспомнить.

Он уставился в глаза Вача, но смотреть в них было все равно что глядеть в глаза новорожденного теленка.

– Ладно... – Геб повернулся к сержанту. – Крук, разузнай, не происходило ли что-то непонятное в окрестностях Форы за последние дни. Какие-то странные убийства, исчезновения. Шаман не такой человек, чтобы пропасть бесследно.

* * *

Довольно долго после ухода стражников царила тишина. Первым ее нарушил Альфар. Вскочив, он прошелся по комнате, несколько раз взмахнул плетью, нанося удары кому-то невидимому, и остановился перед креслом брата.

– Ты выслушиваешь оскорбления от каких-то стражников и позволяешь им уйти!

– Трилист Геб – не «какой-то стражник», он зять приоса Велитако Роэла. И еще он большой хитрец. Я слышал о капитане, давно хотел познакомиться. Итак, Джудекса сбежал, а? Крайне досадно. Как это связано с союзом Октона и Гело?

– Я не уверен, что они союзники, – возразил Альфар.

– А история Риджи Ана? Мне все это представляется так: Владыка ввел нас в заблуждение, сказав, что не собирается никому передавать Мир. На самом деле он договорился с Гело Бесоном, однако скрыл это от остальных, чтобы мы с Солом не объединились против Бесона. Теперь он и Гело тихо уничтожают приспешников других цехов. Ты послал согладатаев к Универсалу? Они видели что-то интересное?

– Послал. И они ничего не видели. Странное дело, даже Октон ни разу не появился, не вышел из пирамиды. – Альфар показал на цепочку на шее Некроса. – Если все так, как ты говоришь, то зачем Владыка отдал вам Слезы? Ведь этим он только помог тебе, Солу и Доктусу. Усилил вас.

– Этого я не знаю. Конечно, мы еще не разгадали весь замысел Владыки. Он объявил, что намеревается спрятать Мир... Где? Мир нужен мне, понимаешь? Доктус не в счет, но нельзя допустить, чтобы кто-то из этих двоих, Сол или Гело, стал Владыкой. Гело погрузит империю в ледяное безмолвие, а Сол утопит ее в жару. Мир должен быть моим.

К Альфару уже вернулось его обычное настроение. Внешне он оставался серьезен, но внутренне, казалось, смеялся.

– Обруч! Брат мой, а мне вполне хватает Острога-На-Костях. Прекрасное место, ведь ты всегда соглашался с этим...

– Конечно. Но не хотелось бы тебе, чтобы Острог стал больше?

– Больше? Кажется, он и так достаточно велик. К тому же вокруг стена, за ней город. Мы не сможем снести все эти кварталы...

– Никаких стен. Больше, чем все эти кварталы, больше, чем Фора, чем гора, чем перешеек. Острог, большой как империя, как весь мир... Тебя не прельщает эта идея?

– Хм... интересно.

– Вот именно. Империя – теперь это лишь слово. Пограничные области откалываются одна за другой, незаметно, без всяких войн. Они просто перестают платить подати и содержать наше войско. Вместо него появляется местное ополчение. Даже кланы Бриты – а ведь она-то совсем рядом – теперь ничего не платят. Верховные Приосы потихоньку умирают от старости, а наш Приорат не отправляет новых. Я смогу восстановить Зелур. И для этого мне нужен обруч. Опыты Джудексы... Ты ведь знаешь, он добывал для меня вещество третьего порядка...

Альфар с серьезной миной провозгласил:

– Если бы только умирающий мог прикоснуться к нему, то, ослепленный красотой его и потрясенный его достоинствами, он воспрял бы, отринув увечья, в полном здравии. Будь он даже в агонии, и тогда бы воскрес...

– Нет, – перебил Некрос. – Не так, наоборот. Если живой прикоснется к нему – то, ужаснувшись и ослепленный, он скончается на месте. Так вот, шаман занимался исследованиями для меня, а теперь исчез. С чего бы вдруг? Испугался стражи? Возможно, ведь этот Геб взялся за Джудексу довольно решительно. Но почему Темно-Красный не пришел к нам? Я вложил определенные средства в его опыты, а он... – Некрос замолчал, глядя на Альфара.

– Что? – спросил тот наконец.

Аркмастер встал и, пробормотав: «Подожди здесь», покинул комнату. Брат недоуменно поглядел ему вслед.

Отперев дверь, Чермор вошел в свою спальню. На стенах висели плотные ковры, в углу стояла принесенная по приказу Некроса железная корзина с углями – в комнате потеплело. Риджи Ана спала на боку, одеяло сползло, обнажив плечо. На стуле рядом с кроватью лежала раскрытая сумка из тонкой кожи. Ее доставили в Острог вместе с хозяйкой. Перед тем как приказать принести сумку в спальню, Некрос осмотрел содержимое: пара мускусных яблок, игольница с нитками, зеркальце из полированной меди, крошечный серебряный ключик, деревянный гребень, изящная серебряная копоушка, пузырьки с репейным маслом и нюхательной солью, сурьмой и амброй, сверточек таблеток-сук, чтобы благоухало изо рта... Был еще один пузырек, самый большой, с темным содержимым, назначение которого чар не уразумел. От сумки шел смешанный запах цветочных духов и мускуса, из-за чего у Некроса слегка закружилась голова.

Он постоял, пытаясь привыкнуть к мягкому свету, который облаком висел вокруг кровати, – привыкнуть к нему и постараться понять, почему он видит сияние и в то же время осознает, что никакого сияния в спальне нет. Ничего не получалось, природа света оставалась недоступной ему. Аркмастер склонился к мысли, что свет имеет метафизическую суть, более того, во всем мире только один Некрос и видит его. Под действием мягкого света покрывающие душу Некроса Чермора темные пятна медленно съеживались, исчезали. Ему это не нравилось.

Он сел на край постели и положил ладонь на плечо Риджи. Веки затрепетали, не открывая глаз, она медленно повернула голову лицом вверх. Еще мгновение Некрос боролся с собой, затем, наклонившись, поцеловал девушку. Глаза раскрылись. Теплая рука обхватила его за шею, ладонь другой легла на затылок, Риджи подалась вперед. Ее губы раздвинулись, отвечая на поцелуй. Пальцы Некроса скользнули по плечу, ниже, под одеяло.

Девушка оттолкнула его. Некрос выпрямился и отвел взгляд. В спальне стало светлее. Тишина тянулась долго, наконец Риджи Ана пошевелилась, придерживая одеяло на груди, села, вопросительно глядя на Чермора.

– Расскажи еще раз, что произошло в том селении, – попросил он. – Кажется, ты упоминала, что у человека, который напал на него, были черные, смазанные жиром косы?

Глава 8

Пес завыл, будто зарыдал. Прикованный под дверями, он иногда надолго умолкал, а иногда скулил и звенел цепью. Шаман заканчивал приготовления. На столе перед ним лежали череп, нижний крестцовый позвонок и человеческая берцовая кость, рядом позвоночные кости двух собак, суки и кобеля.

Человека, при жизни умалишенного сельского дурня, давно убили бы за буйный, жестокий нрав, если бы он не был сыном самого богатого крестьянина. Безумец становится пристанищем разрывающих душу сил. Их теперь и хотел использовать некромаг, для этого и нужны ему были останки именно такого человека.

Еще на столе лежало зазубренное лезвие с двумя костяными рукоятями. Мастер Бонзо, кузнец из Острога, склепал для шамана и другой инструмент: закрученный железный штырь на деревянной перекладине. Пила и сверло недавно вышли из рук кузнеца, шаман пока не пользовался ими ни разу – важно, чтобы инструменты были девственно чисты, не несли на себе никаких следов.

По комнате, озаренной кедровым факелом, гуляли тени. Они собирались в углах, окутывая четыре предмета, ориентированные по сторонам света. На юге горела свеча, на севере стояла чаша с посыпанной солью землей, на востоке – вазочка с нагретым сандаловым маслом, на западе – другая чашка, с водой, взятой из реки. Некромаг заручился поддержкой огня, земли, воды и воздуха. У стены стояли вилы, коса и можжевельная метла. Ею шаман тщательно вымел комнату перед тем, как приступить к работе.

Он трудился долго. Несколько раз пришлось выходить на улицу – огромный черный пес, прикованный на цепи возле дома, испуганно и тоскливо глядел на человека. Это было крупное, злое животное, как и двое других, у которых шаман взял позвонки, – он выбрал тех, чьи зверодуши отличались наибольшей свирепостью. Пес заскулил, поджимая хвост, когда шаман подошел к нему. Но укусить зверь не осмелился, даже когда некромаг выдрал с его спины несколько длинных черных волос.

Закончив, он понял, что все прошло как надо. Воздух потяжелел и потемнел, отголоски странных звуков проникли в помещение – словно приоткрылась невидимая дверь, ведущая за границу этого мира.

Когда инструмент наконец подсох и смазанные клеем швы застыли, шаман вновь вышел из дома. Встав спиной к псу, потряс колотушкой. Сила безумца передалась через крестцовый позвонок, кости собак изнутри ударились в затылок и лоб черепа; звук, который издал инструмент, был не просто ритмичным стуком – полившаяся над безлюдным селением черная музыка безумия заставила пса вновь зарыдать.

Глава 9

Круглая улица, опоясывающая всю Шамбу, служила границей между верхними богатыми кварталами и срединными, где жил народ попроще. На восточном склоне от нее отходил короткий переулок с одиноким домом в конце. Верхний этаж далеко выдавался над дорогой, между узкими окнами виднелись крючья, на которые по праздникам вешали ковры. Возле дверей стояла пара каменных скамеек, из стены торчали кольца, чтобы привязывать лошадей. Гело Бесону и Хуго Чаттану привязывать было некого, их лошади остались в конюшне Наледи.

Положив ладонь на рукоять меча, чар встал перед дверью. Хуго прошелся вдоль фасада, заглянул за ограду и наконец произнес:

– Никого не видно. Сол не ошибся, эту девицу должны были привезти именно сюда?

Вместо ответа Гело толкнул дверь, и Чаттан сказал, обнажая клинок:

– Почему-то я так и думал, что не заперто.

Войдя первым, он миновал короткий коридор и очутился на кухне. За исключением трех трупов, здесь не было ничего примечательного. Двое слуг с распоротыми животами лежали под стеной; привалившись боком к давно потухшему очагу, сидела обезглавленная служанка. На вертеле над очагом висела кабанья туша.

Хуго прошелся по кухне, посмотрел на трупы, оторвал от туши кусок, сунул в рот, пожевал и выплюнул.

– Уже начало подтухать.

Гело кивнул на дверь рядом с лестницей. Вытерев о кафтан измазанные жиром пальцы, Чаттан вставил клинок в щель и нажал. Дверь открылась, показав темную конуру. В земляном полу была окруженная камнями яма. На камнях, так, чтобы в центре оставалось отверстие, лежали доски. Сверху сидел мужчина со спущенными штанами. Он откинулся назад, привалившись к стене конуры. Шея разрезана, грудь залита кровью.

– Фу ты! – сказал Хуго, захлопывая дверь. Морщась, он стал подниматься по каменным ступеням. Гело постоял, разглядывая мертвецов, и пошел следом. Лестница привела в просторный зал с длинным столом, множеством лавок и погасшим камином. Проникающий через окна тусклый свет озарял несколько трупов, причем один из них висел на образующих потолок брусках.

В соседней комнате возле кровати лежало последнее тело. Судя по позе, при появлении убийц мужчина успел вскочить – и тут ему размозжили голову. Под стеной стоял ларь, отломанная крышка валялась рядом. Гело шагнул ближе, увидел, что безымянный палец на правой руке мужчины отрезан, развернулся и, ни слова не говоря, вышел. Хуго заглянул в ларь (он был пуст), проверил стоящие под стенами сундуки (там не осталось никакой одежды) и пошел за хозяином. На верхних ступенях лестницы приостановился и, обернувшись, втянул носом воздух.

– Это не клирики и тем более не чары, – произнес он, выйдя на улицу. – Слишком простая работа. Прирезали всех и ограбили дом. У хозяина отсекали палец, наверное, перстень не снимался. Куда теперь?

Гело долго молчал, глядя сквозь Чаттана, и наконец спросил:

– Пепеляне?

– Да, – откликнулся Хуго. – Похоже на их работу. Там и запах такой... знакомый.

– Кто сейчас у них за главного?

– Сейчас? Уже много лет верховодит Гида Чистюля.

– Знаком с ним?

– Не очень-то. Дарик Дар у Гиды в помощниках, вот его я знаю.

Гело посмотрел вдоль переулка. Обычный городской шум – голоса, скрип колес и лай псов – доносился из-за домов, но в тупике никого не было видно.

– Смеркается, – произнес Хуго сзади. – А до Ямы идти и идти.

– Так идем, – сказал Гело.

По вечернему городу они спустились к подножию Шамбы. Чар шел, неподвижно глядя перед собой, положив ладони на рукоять меча у левого бедра. Он словно видел не обычные городские улицы, но некий запредельный, скованный льдом бело-голубой мир, в который уже почти погрузился рассудком, а теперь пытается добраться туда и во плоти. Вся жизнь Гело состояла из непрерывной попытки проникнуть в этот мир и остаться там. Порой – как правило, когда аркмастер пребывал в ледяной воде своего бассейна, – бело-голубой мир подступал ближе. Но обычно он оставался где-то за горизонтом. Заснеженная страна, где всегда властвует зима, скачущие по белым равнинам кони... Чар знал, нужно воплотить грезы в реальность, а не стараться перенестись туда в мечтах. Иначе он рискует однажды заснуть в бассейне и больше не проснуться никогда.

У подножия восточного склона раскинулись поля, за которыми начиналось Серебряное море. По правую руку вдаль тянулось северное побережье Зелура, сначала четкая жирная линия, дальше она словно размывалась прибоем, становилась серой полосой и исчезала, сливаясь с воздухом и водой.

Внизу, среди полей, стояли домики фермеров, от города их отделял шедший пологой дугой Пепельный квартал.

Землетрясения часто разрушали городские дома. У Приората хватало других дел и расходов, чтобы оказывать помощь еще и беднякам. Однажды после очередного землетрясения на восточной окраине началась янтарная чума. Лекари полагали, что причиной мора стал подземный газ, вырвавшийся из трещин. При этой болезни глотка человека приобретала цвет молодого верескового меда, волосы по всему телу выпадали в считанные дни, после чего больной умирал в корчах. Лечить янтарную чуму не умели, вместо этого Приорат прислал горючие обозы, огородил ими квартал и поджег. Квартал превратился в пепелище, большинство его обитателей погибло. С тех пор прошло много лет, часть зданий восстановили, но обычные люди не хотели селиться здесь – память о янтарной чуме еще жила. В Пепельном квартале – Пепле – обитал сброд, худшие из худших, и полицейские стражи предпочитали не соваться сюда, ограничившись несколькими постами, которые круглосуточно караулили на границе Пепла.

У подножия стало прохладнее. Хуго наблюдал за аркмастером, который шел, иногда плавно меняя направление. Мир для Гело Бесона представлялся в виде холодных и теплых областей, расплывчатых пятен белого, голубого, желтого и красного, перетекающих друг в друга. Чар старался двигаться так, чтобы не попадать в теплые желто-красные области.

На скамьях под окнами домишек-развалюх сидели люди дикой наружности, изуродованные шрамами лица поворачивались в сторону путников, прохожие исподтишка поглядывали на них. Гело, впрочем, было все равно. Его размеренная походка осталась прежней, взгляд – все так же устремлен в никуда. А вот Хуго крутил головой и часто оглядывался, проверяя, не увязался ли кто следом. Они миновали кривую улицу, перебрались через канаву к большому зданию, одному из немногих, целиком не сгоревших в пожаре. Часть дома пострадала и была достроена позже, почерневшее старое дерево и треснувшие от жара камни составляли странный контраст с более новыми материалами.

– Что там у них? – произнес Хуго, приостанавливаясь.

Над дверями Ямы горел факел, свет его озарял небольшую толпу. На ветру огонь гудел, извиваясь, тени людей то протягивались по земле, то съеживались. Слышались взволнованные голоса. Приглядевшись к толпе, Чаттан сказал:

– Что-то случилось.

Когда их заметили, от толпы отделился калека, торс с руками и головой, прикрученный веревками к доске. В движении он напоминал маятник – наклонившись вперед, упирался кулаками в землю, приподнимал доску, качнувшись всем телом, опускал ее на землю немного дальше, после чего вновь наклонялся вперед.

– Привет, Половинкин... – начал Чаттан.

Калека узнал их, развернулся и, ни слова не говоря, заспешил обратно. Хуго пожал плечами и вместе с чаром направился следом.

Среди людей, стоявших под дверями, не было ни одного с нормальной внешностью. Дувший порывами холодный ветер шевелил живописные отрепья. Здесь собрались одноногий, однорукий, одноглазый, человек с отрезанными ушами и носом, и еще один, у которого лицо состояло из сплошной гниющей раны.

Все держали ножи, и все уставились на неожиданных гостей.

В открытом дверном проеме за спинами пепелян было полутемно, из дома доносились голоса – два человека о чем-то спорили в глубине здания. Нижний этаж Ямы состоял из кухни и питейного зала, а второй целиком занимал Гида Чистюля с приближенными.

– Где хозяин? – спросил Хуго, останавливаясь.

Пепеляне переглянулись. Голоса в Яме зазвучали громче – там один человек что-то приказывал другому, а тот отказывался выполнять приказ.

– Гида? – вопросительно повторил Чаттан. – Он у себя?

– Что надо? – буркнул одноногий. – Вы кто такие?

Хуго Чаттан считал их всех крысами – острозубыми, но не слишком опасными. С крысами и следовало обращаться соответственно. Не убирая ладонь с рукояти, Хуго разгладил свои длинные белые усы.

– У тебя кое-что спросили, вшивый. Надо отвечать, а не задавать вопрос в ответ.

– Чего? – пепелянин нахмурился и глянул на остальных. – Это ведь чар, а? Один чар, Питатель, оставил меня без ноги...

Он качнул ножом и шагнул вперед. Плохо отесанная деревяшка, заменяющая правую ногу, стукнула в землю. Возле Хуго шевельнулся аркмастер. Как и тогда, в большом зале Наледи, он двигался плавно и быстро. В прыгающем свете факела меч его стал неразличим – казалось, что Гело, чуть пригнувшись, просто взмахнул рукой. Что-то треснуло, одноногий крикнул, развернулся вполоборота и упал. Отсеченная у самого основания деревяшка покатила по земле. Аркмастер выпрямился, возвращая меч в ножны.

Чаттан улыбнулся в усы. Пепеляне попятились, ошетинившись ножами, но никто не напал. Половинкин развернулся к двери, собираясь нырнуть в здание, и вдруг оттуда донесся короткий приглушенный вопль. Калека замер у порога на вытянутых руках, неуверенно покачивая торсом, решая, куда его поставить, вперед или назад. Раздался топот ног. Половинкин качнулся обратно, и тут в проеме возникла фигура. Бегущий человек с размаху налетел на калеку, опрокинул его и сам покатился по земле, сбив одноногого, который как раз нашел свою деревяшку и пытался встать, упираясь ею в землю. Человек вскочил и обернулся. Половинкин, упавший на спину, старался принять привычное положение, но тот, кто выскочил из дома, ругаясь, прыгнул к нему и пнул ногой по голове. Калека перекатился на живот. Человек ударил его по ребрам, в спину. Обхватив голову руками, Половинкин лежал неподвижно, тихо поскуливая.

– Дарик! – позвал Хуго. – Эй!

Первый помощник Чистюли заехал Половинкину пяткой в спину так, что у того хрустнуло в позвоночнике, и уставился на гостей, тяжело дыша. Узнав их, настороженно произнес:

– Это ты... – и замолчал, вытирая ладонями лицо. Дарик Дар не носил одежды, только тряпки, обматывающие бедра. В одежде он потел – в любой, в любую погоду. Торс Дара покрывали островки влажного мха. Редкостная болезнь делала его похожим на большой ста-

рый бурдюк, но наполненный не вином, а зловонной жижей, в которую превратились разложившиеся внутренности. Между мхом кожа влажно поблескивала. От крупного лоснящегося тела Дара шел теплый сладковатый дух.

– Да, и со мной аркмастер, – сказал Хуго. – Он хочет побеседовать с Гидой. Хозяин здесь?

– Ага, – произнес Дарик с непонятым выражением. – Здесь вроде...

– И что означает это твое «вроде»?

Дарик глянул на пепелян. Одноногий вновь ухватил свою деревяшку и попытался встать, Половинкин лежал в той же позе и не шевелился, у остальных вид был растерянный.

– Гида наверху, но он... Мы его с утра не видели.

Замолчав, он принялся чесать блестящую пролысину между мохнатыми зелеными пятнами на животе. В брюхе Дарика забурчало, идущий от него запах усилился.

– Не видели с утра? – повторил Чаттан, делая шаг от Дара. – Тогда откуда знаете, что он здесь?

– Ну... Он у себя, точно. Слышно же, что он там. Но он никого не... не хочет видеть. То есть Жиг и Кривой вошли, но не вышли. И Барлога я только что заставил зайти... Слышали крик? Да, и еще там Сура у него. Что-то он с ней делает, не разберешь...

– Сура – это кто?

– Жenuшка его, из новеньких. Он же их всех у себя селил, в одной комнате, рядом, чтоб ночью далеко не ходить. Вернее, чтоб им было недалеко ходить к нему, когда позовет. Днем они на кухне помогали, по хозяйству, ну или работали на улицах, а ночью у него, значит... Вот, а теперь все разбежались, окромя Суры, потому что она прошлой ночью как раз у него была и не успела...

– Заткнись, – перебил Хуго, приглядываясь к лицу Дарика Дара и наконец замечая, что тот ни жив ни мертв от страха. – Зачем ты мне про его девок рассказываешь, какое мне до них дело? Что вообще у вас происходит, я не пойму? Гида у себя, но вы его не видели, трое к нему вошли и не...

Со второго этажа Ямы донесся рев. Он превратился в горловой хрип, необычно протяжный, дрожащий, и наконец смолк. Половинкин уперся ладонями в порог и стал отползать.

Тело Дарика всколыхнулось, пошло мелкими волнами, когда он повел покатыми плечами. Сладковатый запах вновь усилился.

Хуго сморщился, будто укусил луковицу.

– Ну ты воняешь! – проворчал он, отступая еще дальше. – Что это такое было?

– Гида, – прошептал Дарик. – Он это, он рычит, понимаешь?

Краем глаза Чаттан увидел, как Гело, проявляя нетерпение, переступил с ноги на ногу.

– Аркмастер, от них ничего не добиться, – начал Хуго. – Лучше нам...

Гело вытащил меч и вошел в здание, наступив на спину Половинкина.

– Ладно уж, стойте тут, – разрешил Хуго. – Мы сами посмотрим.

Преодолев лестницу, они очутились в начале площадки, тянувшейся вдоль стены над питейным залом. С одной стороны было ограждение, через которое виднелись скамейки и столы, с другой – ряд дверей, ведущих в помещения второго этажа. Гело дошагал до середины площадки и остановился, разглядывая потек крови, выступивший из-под двери. Он пробормотал: «Подожди здесь» – и распахнул дверь.

В помещении, что находилось за ней, Гида Чистюля вел дела, там же спал и ел. Выходить он не особо любил, предпочитая руководить жизнью пепелян со второго этажа Ямы. Кровать под дальней стеной накрывали почерневшие от грязи одеяла, большую часть стола, как и пол под ним, усеивали объедки. На горе недогрызенных птичьих костей, капустных кочерыжек, корок хлеба и раздавленных чашек, раскинув руки, лицом вверх лежал человек.

Подняв небольшой вал из битой посуды и рвани, Гело шагнул вперед. Взгляд его наткнулся на одно растерзанное тело, на второе. Прозрачные глаза оглядели стены в пятнах плесени. На другой стороне комнаты возле кровати темнела глубокая ниша, где когда-то висели полки для одежды. Теперь их обломки грудой валялись под окном с прикрытыми ставнями.

Позади аркмастера Хуго Чаттан, привалившись плечом к дверному косяку, заглянул в комнату. Он не мог заставить себя войти – слишком сильный запах стоял в берлоге Гиды.

Из ниши донеслось сдавленное всхлипывание, сменившееся ворчанием. Гело сделал еще шаг, под ногой громко хрустнул глиняный черепок. Ворчание смолкло, послышался скребущий звук. Хуго прищурился, пытаясь разглядеть, что происходит. Гибкая фигура на четвереньках скользнула из ниши, волоча за собой худое тело. Существо обогнуло стол и выпрямилось, стоя на коленях. Оно притащило тощую девку в платье с оторванным подолом. Одна лапа держала ее за шею, скрюченные пальцы другой вцепились в плечо.

– Гида? – удивленно позвал Чаттан.

Людоволк заворчал, разева пасть. Крупные десны, клыки, широкий язык – все покрывала кровь.

Глаза Суры были безумны и распахнуты так широко, что казалось, в любой момент могут выпасть из глазниц. Приоткрыв рот, она громко и часто дышала. Кровоточащие царапины покрывали лоб и щеки. Оборотень вновь заворчал и перевернул девицу на спину.

Хуго быстро нагнулся, схватил с пола битую чашку и швырнул через всю комнату. Чашка, ударив Гиду в затылок, раскололась. Оборотень дернулся, рыкнул, поворачиваясь. Мгновение он глядел на людей горящими глазами, затем прыгнул. Раздался звук, будто кто-то рывком разорвал кусок плотной материи. Гело шагнул вперед, бастард наискось опустился, поднялся, опустился вновь, затем чар перехватил меч, плавно вложил в ножны и шагнул в сторону. Теперь Хуго увидел оборотня: прижав верхние лапы к груди, тот стоял на согнутых нижних, в совершенно неестественной для обычного волка или собаки, но, надо полагать, привычной для оборотня позе.

Услыхав шаги, Чаттан оглянулся. Мелко семеня, по площадке приближался Дарик Дар. Страх страхом, но он являлся старшим после Гиды среди пепелян и должен был знать, что происходит. С собой Дарик захватил горящий факел. Чаттан вновь заглянул в комнату – Гида Чистюля уже умер. Два удара аркмастера рассекли его от плеч до живота. Теперь голова, шея и грудь, напоминающие вылепленный скульптором бюст, треугольником выпали из остального тела и опрокинулись назад, в то время как торс с лапами упал вперед.

Хуго посторонился, пропуская Дарика в комнату.

Захрустели черепки, и Гело вышел на площадку. Дарик склонился, разглядывая мертвого хозяина. Сура, все еще лежащая на спине, вдруг заговорила, тихо и быстро, так что слова слились в неразборчивое бормотание. Дарик подошел к ней, ухватил за волосы и поволок по мусору к дверям. Тело его колыхалось.

Хуго отошел подальше – ему на сегодня хватило неприятных запахов. Сура, не замечая, что ее куда-то волокут, выпучив глаза, безостановочно говорила. Дар протащил ее по площадке, ногой раскрыв дверь в конце, впихнул девку внутрь, закрыл дверь и вернулся.

Гело Бесон уже стоял возле Хуго, склонив голову и глядя себе под ноги.

– Теперь говори, – приказал Чаттан.

– А что говорить? – откликнулся Дарик. – Вы ж сами видели. Сегодня утром он стал зверем! Или, может, ночью...

– Людоволком, – поправил Чаттан. – С чего вдруг он им стал? Это заклинание какое-то, причем сильное... – Он покосился на чара, и тот кивнул. – Да, редкое и сильное заклинание, его так просто не наложишь. Так что...

– Питье, – произнес аркмастер, все так же глядя вниз. – Может быть, питье. Смешать кровь убитой в полнолуние волчицы и... – Он замолчал.

– Так что расскажи нам, почему вдруг Гида Чистюля превратился в людоволка, – заключил Хуго.

– Я не знаю, – сказал Дар.

Прикасаться к нему не хотелось, поэтому Чаттан достал меч и плашмя ударил Дарика по груди. Телеса колыхнулись, Дар, охнув, отступил.

Дверь в конце площадки открылась, и наружу выбралась Сура. Бормоча, она поползла к ним.

– Не надо, перестань, – произнес Дар.

Сура проползла между их ног, глядя перед собой остановившимся взглядом, достигла лестницы и стала спускаться на четвереньках.

Чаттан ударил Дарика еще раз, теперь по брюху. Внутри пепелянина булькнуло.

– Лопнешь в конце концов, – сказал Хуго. – Еще пару раз – и ты лопнешь, потечет та гадость, что у тебя внутри... – Он замолчал, когда Гело поднял палец, прислушиваясь к чему-то, происходящему в комнате.

Все трое заглянули внутрь. Сначала в полутьме ничего нельзя было разглядеть, а потом их внимание привлекло движение на полу. Дарик поднял факел повыше. Верхние лапы людоволка шевелились, когти разгребали мусор, ища что-то. Нижние распрямились, подталкивая торс, пальцы нащупали то, что отрубил Гело, и подтянули, возвращая на место. Дарик Дар попятился и уперся спиной в ограждение площадки.

Оборотень лежал спиной кверху – и теперь эта спина срослась. Он уперся лапами в пол и приподнялся. Раздалось ворчание.

Вытащив меч, Гело шагнул в комнату. Людоволк уже поворачивался, рыча, когда клинок вновь обрушился на него. Седой «хвост» заплескал над затылком аркмастера. Теперь Бесон наносил короткие удары, рубил, как мясник, разделявая большой кусок мяса. Сначала отлетела голова, за ней лапа, и вскоре оборотень превратился в десяток кусков плоти. Мусор вокруг почернел от крови. Гело вложил меч в ножны и вернулся, сосредоточенно глядя себе под ноги.

– Сколько можно стоять здесь? – ни к кому не обращаясь, произнес Чаттан. Дар все еще прижимался спиной к ограждению, и Хуго упер острие меча ему в шею.

– Чтобы поскорее уйти, я готов даже проткнуть тебя, рискуя, что ты испортишь мою одежду. Рассказывай быстрее, мне надоело... – Он резко повернулся, услышав шум.

Гело потянулся к факелу, который держал Дарик, но, когда тепло достигло пальцев, убрал руку. Чаттан сам взял факел и заглянул в комнату, выставив огонь перед собой. Тени на полу шевелились, будто живые, сливаясь и распадаясь. Куски плоти медленно двигались, стягиваясь к одному месту, чтобы вновь стать телом людоволка.

– Что там? Опять? – простонал Дарик сзади.

Хуго пожал плечами, положил факел на ограждение и позвал:

– Иди сюда.

– Зачем? – откликнулся Дар.

– Иди, говорю. Взгляни на это.

Когда Дарик опасно шагнул к двери, Хуго, быстро обойдя его, упер острие меча в мягкую спину.

– Давай топай.

– Нет, подожди! – взвизгнул Дарик. – Куда ты меня толкаешь? Нет, я...

Хуго знал, что эта крыса может постоять за себя, но знал и то, что Дарик Дар боится аркмастера даже больше, чем шевелящихся среди мусора кусков плоти. Чаттан сильнее уперся

мечом в его спину, и Дар помимо воли шагнул в комнату. Теперь сползающиеся куски оказались у самых его ног.

– Внизу братья! – закричал Дарик. – Внизу, у входа, и они вас...

– Мы заложим дверь, – перебил Чаттан. – Я притащу лавки, пару столов, и мы зложим ее. Через окно тебе не вылезти, ты слишком жирный, останешься внутри, пока *это* не срастется. А мы спустимся и уйдем. Твои братья-крысы ничего не смогут сделать аркмастеру холодного цеха.

Среди мусора обрубков левого плеча и шея уже срослись, грудина подползала к ним. Один из кусков плоти достиг стопы Дара и попытался перебраться через нее. Дарик взвизгнул, отбрасывая его ногой.

– Недавно! Пришел один и заказал дело. Наверное, это он!

– Дело? – подал голос Гело Бесон. – Прирезать всех в доме...

– Да, дом в тупике на востоке Круглой улицы! Хозяев и слуг, всех! Сказал – дом на отшибе, никто не заметит. Заплатил Гида не знаю сколько. Гида сказал: что будет в доме, можем забрать себе!

Не опуская меч, Хуго спросил:

– И ты был там, да? То-то я твой дух учуял. Ладно, так кто предложил вам это дело?

– Я его и не видел почти совсем, только на лестнице, темно было. С ним хозяин разговаривал, запершись. Тогда, наверно, гость и подлил ему что-то в вино. Или еще как-то... Ну, чтоб оно сработало, уже когда мы дело закончим.

– Чтоб Гида не смог потом никому рассказать, кто заказчик, да?

– Конечно! Он... Хотя его ж еще Сура должна была видеть! – вспомнил Дарик. – Она ж один раз им туда вино приносила...

– А девица? Насчет девицы вам ничего не было сказано?

– Какой девицы?

– Темноволосая, молодая. Ее должны были как раз привезти в тот дом.

– Нет, никаких девок там не было, кроме служанки.

Опустив меч, Хуго шагнул назад, не глядя, отвел руку за спину и ухватился за конец лежащего на перилах факела.

– А с этим что мне делать? – Дар попятился от сползающихся обрубков и просительно глянул на Гело. – Великий чар, может, вы его еще раз...

Не ответив, аркмастер зашагал к лестнице.

– Но как же! – выкрикнул вслед Дарик. – Ведь он опять...

Хуго мечом отстранил его, заглянул в комнату и, оценив обстановку, бросил факел на шевелящуюся кучу.

– Что ты делаешь? – прошептал Дар и сунулся было внутрь, чтобы поднять факел, но Чаттан захлопнул дверь перед его носом.

– Людоволка только огнем и убьешь, – проворчал он. – Ладно, пошли.

– Но ведь Яма...

– Сгорит, да. И ладно, мало, что ли, в Пепле домов? А может, и не сгорит, тут все так пропиталось гнилью и сыростью...

Когда они вышли наружу, Хуго увидел расступившихся пепелян и стоящего на коленях Гело Бесона. Чар склонился, почти касаясь лбом лица Суры. Девица безостановочно говорила.

– Нет, человек... – услышал Хуго голос аркмастера. – Скажи, что за человек был тогда у хозяина? – Опять бормотание. – Кто сидел у него, когда ты приносила вино? Перед тем как Гида стал людоволком, кто был у него?

При слове «Гида» Сура вдруг выгнулась дугой, обхватила чара за шею, притянула к себе и завыла. Не ожидавший этого Бесон качнулся вперед и уперся лбом в ее щеку. Чар

резко выпрямился, разрывая объятия, и пошел прочь сквозь толпу пепелян. Слыша, как за спиной Дарик Дар отдает приказы, Хуго поспешил следом.

– Так ли уж она нужна вам? – спросил Чаттан, когда они ступили на мосток через глубокую канаву, служившую Яме чем-то вроде заградительного рва. – Какая-то девица, которую Сол подкладывает под вас, чтобы быть уверенным, что вы не свернете ему шею...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.